

Н.В. ЗАХАРОВ

ЖУЛИКИ

КНИГА ШЕСТАЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

**Николай Захаров
Анна Ермолаева
Жулики. Книга 6**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43452834

SelfPub; 2019

Аннотация

В книге описаны события произошедшие, по мнению автора, в девяностых годах 20-го века. «Лихие девяностые» со стрельбой и погонями переплетаются с прошедшими временами, не менее «Лихими». Все совпадения имен персонажей с реально живущими людьми совершенно случайны. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	34
Глава 4	49
Глава 5	77
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Глава 1

14 Июля 1789-го. Мишка появился довольно далеко от Бастилии в одной из улочек выводящей к знаменитой королевской тюрьме-крепости. Был полдень и солнце припекало.

"Запарюсь я в этой сутане", – подумал он, оглядываясь по сторонам. Они с Леркой материализовались в каком-то тупичке, образованном при строительстве доходных домов и настолько узком, что если бы нужно было разворачиваться, то Лерка, пожалуй, это сделать не смогла. Она стояла, почти касаясь боками стен и, возмущенно пофыркивала.

– Что. Не нравится?

– Да чего хорошего-то? Ни кустика, ни травинки.

– Сейчас выберемся. Только там вряд ли на улицах центральных зелени тоже много. Не особенно в эти времена уделяли этому внимание,

– Мишка двинулся по кишке тупичка и через два десятка метров он вывел их на вполне нормальную улицу, шириной метров в десять, по которой в обе стороны сновали парижане. Дернув пробегающего мимо мальчишку, лохматого и босого, Мишка узнал направление, в котором нужно двигаться, для того чтобы попасть к Бастилии. Лерка цокала рядом подковами и крутила по сторонам головой.

– Прекрати вертеть башкой, как студент в борделе, – сделал ей замечание Мишка шёпотом. – Филька, мотай на ро-

зыски Сереги,

— Филя, выпорхнул из рукава и взвился почти вертикально вверх. Улочка была довольно оживлена в это время дня, но в основном движение было в том же направлении, в котором двигался и Мишка. Парижане шли к Бастилии. И не с пустыми руками.

Впереди Мишки, энергично размахивая руками, двигались трое мужчин, одетых довольно пестро и разнообразно, но в рванье. У одного даже что-то похожее на мундир красовалось на плечах, но явно донашиваемый за кем-то. "Пролетарии, блин", — к такому выводу Мишка пришел, рассмотрев предметы, которые несла троица.

У того что шел крайним слева, на плече лежала самая обыкновенная кувалда с длинной рукоятью и блестящими ударными плоскостями. Кувалда или молот была довольно увесистой и несущий ее, периодически перебрасывал рукоятку с одного плеча на другое.

У шагающего посередине, в руке правой, чернели здоровенные кузнечные клещи метра полтора длиной, а тот, что крайний справа, забросил на костлявое плечо длиннющий лом.

"Штурмовать тюрьму идут работяги", — подумал Мишка, прислушиваясь к их разговору.

— Этот Камиль толково вчера все объяснял. Я сам слышал. Ты вот, Жан, сколько получаешь за день?

— Концы с концами еле сводим. Если бы жена еще в пра-

чечной у мадам не гнулась с утра до ночи, то впору детишек на паперть посылать,— буркнул в ответ "молотобоец".

— А эти с жиру трескаются. Нажрали рожи. Камни на шею и в Сену.

А улица тем временем наполнялась людьми. В основном такими же, как трое шагающих перед Мишкой. И у всех что-нибудь было в руках увесистое. Самодельные пики, топоры и кое у кого ружья и мушкеты.

— Вчера Дом Инвалидов разгромили. Жаль я не успел вовремя,— сетовал тот, что с клещами, завистливо поглядывая на идущего впереди ремесленника с мушкетом.

— Эй, приятель, махнем клещи на мушкет,— предложил он счастливому обладателю огнестрела.

— Да иди ты со своими клещами,— отмахнулся тот и даже голову не повернул в сторону шутника.

— Ох, какие мы важные. Заряжать-то хоть умеешь? Мушкетер?

— Уже заряжен,— оглянулся наконец-то "мушкетер".— Дело не хитрое. В Бастилии, говорят, арсенал будь здоров. Там этих ружей, на армию заготовлено Людовиком. И пороховые припасы, тоже говорят, знатные,— поделился он слухами.

— Возьмем, увидим,— оптимистично откликнулся ремесленник с клещами.

Улочка вильнула пару раз и вывела точно на крепость, которая просматривалась вся целиком и выглядела грозно и неприступно. Мост через ров был поднят и между зубцов

мелькал немногочисленный гарнизон, испуганно разглядывающий толпы народа, скапливающиеся вокруг крепости.

— Парламентеров, говорят, послали. Чтобы сдавались. Чего там их вон. А уже и с ответом идут,— кто-то с острым зрением, взял на себя роль комментатора, остальные вытягивали шеи, пытаясь разглядеть парламентеров.

Посланная к крепости делегация парламентеров, что-то громко объясняла толпам.

— Говорят, что послал их комендант Лонэ к чертям и мост опускать отказался,— передавали новость из уст в уста.

— Сами опустим. Айда за мной,— моментально появившийся лидер, тут же организовал ударную группу. Человек двадцать с топорами и кирками, к которой присоединилось по ходу перемещения еще человек сто. И вся эта добровольная, штурмовая группа полезла в ров, помогая друг другу и вырубая кирками и топорами ступени в отвесных стенах. Ров, частично заполненный водой и нечистотами, преодолели охотники за считанные секунды и, не встречая сопротивления, ринулись к подъемному мосту. И только тогда прозвучали первые выстрелы из Бастилии.

Очевидно, сначала вверх, но видя, что никто и не думает испуганно отступать, стрелять начали и по толпе, уже подбегающей к мосту. Упали первые убитые и раненые. А со стены рывкнула пушчонка и заряд картечи, слегка проредил бегущую толпу. Раздались выстрелы и со стороны штурмующих.

Знакомый уже Мишке "мушкетер", так же выпалил с гро-

хотом и клубом дыма в сторону крепости и принялся деловито перезаряжать свое оружие.

— Ну и где тебя искать в этой давке?— пробормотал Мишка, оглядываясь по сторонам. На плечо плюхнулся Филя и зачирикал на ухо:

— На улице Бобур. Находится в подвале. Прикован к стене. Без сознания.

— Когда успел в дерьмо влезть?— пожал Мишка плечами.— Всего на час раньше меня ведь сюда проскочил. Веди, давай,— и, следуя указаниям Фили, двинулся, раздвигая толпу ремесленников.

— Эй, монах, полегче нельзя копытами?— заорал отодвинутый с дороги очередной ротозей, наблюдающий как рубят цепи топорами на подвесном мосту "охотники".

— Что, смотреть мешаю? А сам не хочешь поучаствовать? Вон уже сколько народу подстреленного ползет обратно через дерьморечку. Чего уставился? Это лучшие сыны Франции жизни свои на алтарь свободы кладут, а ты тут под ногами путаешься. Мать твою...— не останавливаясь, отшил недовольного Мишка.

А подъемный мост уже рухнул и вопль торжества пронесся над толпами, штурмующими Бастилию. Откуда-то притащили три огромных воза с соломой, подожгли и густой, белесый дым окутал подступы к крепости, мешая защитникам вести прицельный огонь. Опять рявкнули пушки, выплюнув очередную порцию картечи и один из наводчиков видимо

взял специально повыше, потому что взвыли мельтешащие в отдалении зеваки.

– Шоу, как в России у Белого дома в 93-ем,— сплюнул Мишка зло и пошел быстрее, бесцеремонно отшвыривая всех, кто не успевал увернуться и отскочить.

– Задолбали своей Революцией, блин. Дорогу, мазурики, задавлю,— народ нехотя раздвигался, вытягивая шеи в сторону крепости.

– Ну, что там?— волновался какой-то коротышка в замызганном цилиндре и потертом сюртуке.— Что видно?

– Белый флаг вывесили,— ответил ему Мишка.— Беги скорее, там сейчас добычу делить начнут.

– Где флаг?— заволновался еще пуще коротышка.— Что делить?

– Деньги,— наклонившись, рявкнул ему в самое ухо Мишка.— Там полные подвалы серебра и золота.

Толпа заколыхалась, усваивая информацию и ломанулась в сторону Бастилии.

– Ну, теперь и флага не нужно, минут через пять ворвутся на одной только алчности,— скривился Мишка.

На улицу Бобур он вышел минут через пять и сразу увидел Верку, которая стояла привязанная к кованому кольцу, торчащему из стены. Специально для лошадей очевидно туда и ввинченному.

– Та-а-а-к! Стоишь, значит. А где хозяин?— спросил он «Трояна».

– Унесли полчаса назад вон в ту дверь,— мотнула головой Верка.

– А ты стояла и смотрела?

– Указаний не было от Хозяина,— тряхнул гривой "Троян".

– Кукла Барби,— сморщился Мишка.— Филя, сколько там мазуриков?

– Восемь человек, вооружены всяко-разно. Местные тати. Пользуются смутой, мародерничают. Сейчас перекусят, чем Бог послал и опять на промысел.

– Зачем заковали Серегу тогда?

– Чтобы жаловаться не побежал.

– Почему не убили?

– Так не душегубы же, а мародеры.

– И много там еще таких простофиль, вместе с нашим охламоном?

– Да уже дюжину стреножили.

– Чего же лошадь без присмотра оставили?

– Отчего же без присмотра? Очень даже присматривают.

Вон за углом двое,— чирикнул Филя.

– И правда две рожи, как я вас сразу-то не заметил? Ну-ка ко мне оба, живо. Побазарить пока хочу,

– Мишка щелкнул пальцами и из-за угла окончательно вывалились два оборванца, но при мушкетах и шпагах.

– В Доме Инвалидов разжились?— кивнул Мишка на железо.

– Та-а-м, мсье,— расплылся в улыбке оборванец постарше

и позадиристее выглядящий. Волосы у него на голове были жгуче черного цвета, да еще и вились в мелкое колечко, так что нетрудно было угадать в нем выходца из какой-нибудь очень южной колонии Франции.

Второй оборванец был напротив совершенно бледнолицый, на столько, на сколько, возможно вообще европейцу им быть. Он лишь сопел и шмыгал носом, усыпанным веснушками и лет ему было никак не больше 10-ти. Серые глаза, конопатое лицо, соломенные волосы. Вот уж кого за мароде-ра сразу и не считаешь. Гаврош.

— Ну и какого хрена вы, пацаны, моего лучшего кореша по башке огрели и на цепь посадили?— начал Мишка "базарить".

— Кто ж знал, что он ваш кореш?— пожал плечами "кучерявый".— Кошелем тряс, вот и получил.

— Чего это он им трясти тут начал?— не понял Мишка.

— Так вот Пьер, попросил денежку на пропитание, а он достал и давай звенеть монетой. Мы тут чуть все не оглохли. Много у него их оказалось. Ни че, отлежится к утру.

— Так он ведь отлежится когда, так все ребра вам переломает,— усмехнулся Мишка.

— Ищи ветра в поле,— захихикал чернявый, а конопатый залился весело вслед за ним.

— Веселые вы, пацаны, я смотрю. Ты, рыжий, за лошадьми присмотри, а ты брюнет брутальный, веди к своим гаврикам, — распорядился Мишка и "бледнолицый", тут же при-

нялся прохаживаться, бдительно озираясь, а "брутальный брюнет", помчался к двери дома, с огромным кольцом вместо дверной ручки. За него он и потянул, предупредительно распахивая ее перед подошедшим следом Мишкой.

За дверью сразу оказалась площадка в пару метров площадью и ступеньки лестницы круто уходящие вверх и вниз.

– Куда?– оглянулся Мишка на чернявого.

– Вниз, мсье.

Мишка спустился по ступеням вниз, всего их было с десятков и выводили они в десятиметровый проход, из которого можно было попасть, судя по дверям, сразу в десяток помещений.

– Что за бордель?– буркнул Мишка.

– Бордель и есть,– весело подтвердил его догадку кудрявый.– Мадам Зизи.

– И где сама мадам?

– В подвале на соломке отдыхает, вместе с вашим корешем.

– Что ж вы так с женщиной невежливо обошлись?

– Скандалить принялась, долю требовать. Совсем страх потеряла. Вот Огюст и велел, по репе дать и на цепь посадить.

– Откуда цепи там?

– Так у мадам там карцер для гулявых. Чтоб значит для остратки и порядку.

– Вот как значит. Садистка?

– Как есть сидит теперь сама. Для ее телес полезно. Теперь сюда, мсье, – чернявый распахнул вторую слева дверь и, глазам Мишкиным открылась идиллическая картина. В довольно обширном помещении, расположилось человек пятнадцать различного пола. Видимо мародеры решили совместить приятное с полезным и "перекус" устроить вместе с девицами борделя.

За двумя деревянными, массивными, грубо сколоченными столами, развалясь на лавках, пировала разношерстная компания разбойничков уличных и уличных же шлюх.

– Привет честной компании,– Мишка шагнул в помещение и принялся не спеша разглядывать всех там находящихся.– Потасканные, самым древним ремеслом, женские мордашки, показались ему все на одно лицо. Хмельные и разнужданные до нельзя. Ну а мародеры тоже особенного впечатления на него не произвели. Оборванцы и оборванцы. Дно парижское.

– Ты кого это привел, Турок?– поднялся со скамьи невзрачного вида мужичок. Глаза его, однако, смотрели настороженно, и в руке он держал здоровенный тесак, которым хозяйки рубят мясо на приличных кухнях.

– Этот мсье сказал, что он корешь того монаха с кошельем. Тоже вишь ты монах, Огюст,– радостно улыбнулся Турок.

– И чего он хочет?– продолжал допрашивать Турка Огюст, так будто бы Мишки здесь и вовсе не было или был он глухонемой, язык жестов которого понятен только Турку.

– Велел сюда привести,— оскалился весело Турок.— Вот привел.

– Чего надо?— наконец Огюст решил удостоить и Мишку своим вниманием. Задавая вопрос, он размахнулся и всадил тесак в столешницу.

– Для начала, дай команду своим живоглотам прекратить чавкать как свиньи,

– Мишка прошел к столу и уселся на скамейку, закинув ногу на ногу.— Чего это вы жрете такое вонючее? Сыр?!

– Мишка брезгливо покосился на объедки, валяющиеся на столешнице.— Хоть бы окна открыли, дышать же нечем!

У Огюста и остальных членов шайки мародеров, пропал дар речи. Все одновременно уставились на наглеца, который заявился в «чужой дом» незвано, да еще и «качает права».

– Ты кто есть?— поднялся со скамьи напротив оборванец с огромной медной серьгой в ухе, голова у него была абсолютно лысой и от того он был похож на сказочного джина. Лохматые брови, нос крючком, в общем, сходство стопроцентное. Еще бы халат в звездах... Впрочем, рваная рубаха, с закатанными рукавами, сходство не особенно портила.

В руке "джин" держал двух пинтовую глиняную кружку, с каким-то пойлом, которое смаковал перед приходам Мишки. А теперь он ей легонько постукивал по столу, показывая нетерпение, с которым ждет ответ на свой своевременный "правильный" вопрос.

– Голубой что ли?— покосился на "джина" Мишка.— Сядь,

с тобой потом отдельно пообщаемся, если захочешь.

— Ты-ы-ы! Святоша! Отвечай когда спрашивают! Пока рыло не свернули!— начал свирепеть "джин" и швырнул в Мишку обглоданную кость.

Кость, скорее косточка куриная, очевидно, подхваченная "джином" со столешницы, должна была, по его мнению, поставить наглеца на место. Унизить и вразумить. Однако, швырнул он ее несколько сильнее, чем нужно, да еще и не попал в наглеца, глумливо ухмыляющегося в двух метрах. Кость мелькнула мимо Мишкиной головы и врезалась в лоб, сидящему за следующим столом мародеру, которому, судя по реплике, это явно пришлось не по душе. Так и сказал, слегка брызгая слюной:

— Ты чего, Лохматый, это мой лобешник. И не жАлезный,— обиженный Лохматым мародер, тер лоб и шарил глазом по столешнице /единственным, второй прикрывала грязная повязка серого цвета/, подбирая что-нибудь поувесистее.

Все предметы и остатки трапезы разбойничьей, казались ему либо скромного размера, либо не удобными для применения. Наконец его единственный глаз остановился на деревянном черпаке, который он тут же и метнул. Продемонстрировав, в отличие от Лохматого, удивительную меткость.

Черпак свистнул над Мишкиной головой и врезался с треском прямо в лысину "джину", то бишь Лохматому. Отскочив от зарумянившейся лысины, черпак заскакал по столешнице, опрокидывая на пирующих "работников ножа и

топора" кружки и кувшины. Несколько оборванцев вскочило на ноги, отряхивая с порток пролитое пойло.

– Ты что, гад?! НА-А-А!!!– Лохматый, в припадке праведной ярости, не пожалел и размахнувшись метнул в одноглазого глиняную кружку. И опять промахнулся, умудрившись обидеть сразу двоих собратьев по ремеслу.

Размахиваясь, он выплеснул не меньше литра жидкости в лицо главарию Огюсту. А кружка прилетела в лоб, сидящему рядом с одноглазым оборванцу, с подвязанной щекой.

Парень и так маялся с зубами, и был не в духе по этой причине. Так что, когда ему «звездорезнуло» промеж глаз глиняной посудиною, то он обалдел всего лишь секунд на пять. Ошалело уставившись на черепки, в которые превратилась кружка, после встречи с его лбом, а потом без лишних слов, кинулся на причину всех его "несчастий и неудач по жизни" – Лохматого.

Причем скакнул прямо со своей лавки на столешницу, аки козел и уже в полете врезал так Лохматому в челюсть, что удар Огюста, в то же место предназначавшийся, ушел в пустоту.

Огюста поволокло по всем законам физики по инерции, следом за ударом и он машинально схватился, падая, за подвернувшуюся ему "жрицу любви". Но "жрица" оказалась особой не только легкого поведения, но и телосложения тоже, по этой причине удержать Огюста не смогла и, завизжав, опрокинулась вместе с ним на пол. Умудрившись, па-

дая, пнуть ногой в деликатное место своего "кавалера", на коленях у которого восседала до падения.

"Кавалер" взвыл, как "кавалеру" в подобной ситуации и положено, и принялся срочно проверять сохранность своих "деликатесов", прыгая вокруг стола и расшвыривая соратников.

При этом он раз двадцать в течение пяти секунд помянул мать озорницы и даже вспомнил ее прабабку, с которой ему уж точно видется в этой жизни не приходилось. Прабабка озорницы, возможно, слышала проклятье адресованные ей и из-за гроба тут же наказала "кавалера", врезав ему по голове кувшином, используя руку пришедшего в себя Лохматого.

И тут уж "веселье" началось настоящее. Все били всех. Даже шлюхи визжа и плюясь, рвали последние волосы друг у дружки из легкомысленных голов. Летала, разлетаясь вдребезги, посуда и рев стоял такой, что наверное даже штурмующие Бастилию парижане позавидовали бы, услышав его.

Глава 2

Мишка поднялся и вышел из помещения, перешагнув через сцепившихся в смертельном клинче Огюста и Одноглазого. Дважды уклонившись от летящих ему в голову кувшина и кружки.

Турок по-прежнему стоял у распахнутых дверей и в общем "веселье" участия не принимал. Растянув губы в улыбке, он с удовольствием наблюдал, как калечат друг друга его сотоварищи.

– А ты чего? Неужто ни к кому претензий нет?

– Не а,– мотнул отрицательно головой Турок.– Я у них недавно.

– Понятно. Это у них еще минут на десять, пятнадцать. Пошли в узилище,– Турок повернулся и с сожалением оглянувшись несколько раз, помчался впереди Мишки дальше по коридору, который уперся в массивную дверь с кованым засовом, оказавшим-бы честь даже воротам Бастилии.

Засов Турок сдвинул, и дверь в каземат бордельный распахнул. Камера оказалась довольно тесной, метров пять не более. Чулан уж скорее. Наверное, первоначальное предназначение этого помещения таковым и являлось, так как окон в нем не было. Зато народу было как раз по паре на метр. Причем один метр занимала хозяйка борделя – Зизи. Серега лежал в левом углу, с головой заботливо перемотанной тря-

пищей и, похоже, что был без сознания. Одна рука его была скована здоровенным кольцом и цепью зафиксирована на скобе, торчащей из стены. Кроме мадам Зизи и Сереги, в чулане находилось еще десять человек, разного возраста и судя по одежке принадлежащим к разным слоям Парижского общества.

Пару человек, правда, были и вовсе без одежды. То ли первыми попали мазурикам под еще не нахватавшую добычи руку, то ли строптивость проявили, в общем сидели трясясь и прикрываясь руками.

Зизи, так же как и все, с цепью на жирной руке, испуганно уставилась на Мишку, прислушиваясь к вою, который не утихал и к которому добавился треск сокрушаемой мебели.— "Посуда кончилась, а жажда разрушать нет",— подумал Мишка.

— Ключи у кого от цепей?— спросил он Турка и тот пожал плечами.

— У Огюста, наверное. Я их не запирал. Лохматый у нас специалист по цепям,— хихикнул Турок.

Мишка, щелкнул пальцами, и звенья цепей посыпались, разъединяясь на отдельные кольца.

Серега сел и открыв глаза, оторопело принялся оглядываться, не понимая, где находится и что за люди вокруг него сидят. Причем двое нагишом.

— Ну что ж, господа, все свободны. Выходите, забирайте свое имущество и всего наилучшего. Заждались дома-то,

небось? Мадам, принесите этим двум несчастным что-нибудь накинуть на себя. Видите, стесняются?— распорядился Мишка.

— А эти?— мадам Зизи, ткнула пухлым пальцем в сторону, воющих в экстазе драки, мародеров.

— А этим не до вас. У них разборки внутренние. Не мешайте. Минут пять еще повоюют и успокоятся,— заверил Мишка.

Мадам Зизи, переваливаясь уткой, ушлепала за тряпками для голозадых, а заключенные стали выползать из каморки, испуганно вздрагивая при очередном визге или рыке, частота которых начинала снижаться. "Разборки" близились к финалу.

Наконец, прикрытая Мишкой дверь в трапезную, с грохотом распахнулась, и в коридор вылетел спиной вперед Лохматый, с вцепившимся в него Одноглазым.

Рухнув на пол, они покатались по нему, рыча и сквернословя.

— Самые выносливые видать,— сделал вывод Мишка, щелчком останавливая сцепившихся насмерть мародеров. Так и замерли, как братья, обнявшись и переплетаясь ногами.

Заглянув в трапезную, Мишка убедился, что не ошибся, когда определял крутизну Одноглазого и Лохматого. Целой мебели и посуды, при беглом осмотре не наблюдалось и во вменяемом состоянии кого-либо тоже. Даже шлюхи, пестрели юбками там и сям в самых жалких позах. Кто-то стонал, с

клекотом выплевывая выбитые зубы, и хрипел у самого порога Огюст, сжимая в руке окровавленный тесак.

— Это кого ж ты зарубить успел? Придурок,— Мишка принялся оглядывать тела, оборванцев и шлюх, но обезглавленных не обнаружил и, успокоившись, пожал плечами:

— Из носу натекло, наверное. Отдыхайте пока. Потом проведем общее собрание и "разбор полетов". Полчаса я подожду,— Мишка подумал и, щелкнув пальцами, вернулся к чулану, из которого наконец-то выполз Серега, болезненно морщась и держась за грязную тряпку на голове обеими руками.

— Слышь, Миха, где это мы?— спросил он хриплым голосом.

— На Дне. Парижском,— Мишка посторонился, давая возможность появившейся мадам Зизи, оказать "вспомоществование сирым".

— Это мой камзол,— обрадовался один из голозадых, хватывая из ее рук свою одежду.— У меня еще деньги с собой были, целый Луидор и пенсне,— принялся шарить он по карманам одежды и разочарованно притих, обнаружив их вернутыми.

— Получите свое имущество через полчаса,— пообещал Мишка, вселяя надежду в сердца потерпевших.— Придут в себя оглоеды и все вернут. Одевайтесь пока,

— судя по состоянию изношенности камзола, потерпевший, получивший его назад, принадлежал к третьему сосло-

вию, либо был чиновником средней руки. Прикрыв довольно упитанные тела он сразу приобрел уверенность и, распрямившись, оказался с Мишкой почти одного роста.

– Антуан Клеше – бакалейщик, – представился он, кивнув коротко стриженной головой с мясистым носом.

– Карл Маркс – путешественник, – кивнул в ответ Мишка. – И как вас угораздило сюда попасть, Антуан Клеше? – любопытствовал он.

– Шерше ля фам, – пробормотал Антуан Клише, зыркнув виновато блеснувшим оком в сторону мадам.

– Клиент, стало быть? Как потерпевший имеете право на бесплатный абонемент, годовой как минимум, – посочувствовал Мишка.

Мадам услышав, какие перспективы грозят ее заведению, забыла про то, что всего пять минут как слезла с цепи и взвыла раненой волчицей:

– За что-о-о-о-о-о? Он сам виноват, мсье. Ну, вот заче-е-е-м, заче-е-е-ем нужно было перечить Огюсту? Он же похорошему просил, по-доброму. – "Мотай отсюда, козлина". – Отпускал, стало быть. И чего нужно было с ним спорить? Сидел бы сейчас у себя в лавке, рядом с супругой и горя не знал. Бедняжка – мадам Клеше, все глазоньки пади выплакала. Пойду-ка утешу ее. Прямо немедленно, – мадам Зизи сделала вид, что собирается мчаться утешать "бедняжку Клеше" и, даже сделала шаг в сторону выхода. Но мсье Клеше, прыгнул к ней и схватив за толстую ручищу, принялся

убеждать, что никакого абонементу годового ему не нужно и даже недельного не надо, а мадам Клеше он сам утешит, тем более что ее и в лавке-то нет. — Сестрицу в Версаль вчера поехала проведать. Захворала сестрица-то. Так что вы не утруждайте себя, мадам Зизи. Мне бы Луидор вернуть и, никаких претензий более к заведению нет.

— Ну-у, денег я ваших не видела, мсье, и если вам его вернут Огюст с шайкой, то буду рада за вас,— мадам озорно подмигнула Антуану.— Всегда рада видеть вас у себя.

Остальные потерпевшие претензий своих хозяйке так же высказывать не стали и она, совсем успокоившись, принесла платяную щетку и принялась приводить одежду бывших сокамерников в опрятный вид. Мишка отвел Серегу в сторону от толпящихся по-прежнему у дверей каморки бывших узников и спросил:

— Ну и за каким хреном тебя понесло в День взятия Бастилии?

— Из-за Вилли,— скривился Серега.— Миш, щелкни пальцами. Что-то мозги гудят.— Мишка щелкнул, и Серега блаженно улыбнулся:

— А самому не сообразить? Друг можно сказать с мозгами набекрень, а ты... Вот сволочи! Ох, я им сейчас устрою,— Серега шагнул было в сторону трапезной, но Мишка придержал его за рукав.

— В отрубе они все. Успеешь еще разобраться, никуда не денутся. Так что там Вилли?

– Здесь он. Понимаешь, разговорились мы с ним вчера. Вино это, которое из подвала... Как его?

– Пинот Ноир,— подсказал Мишка.

– Ну да. Сели, значит. Отвальные, то, се. Ну, он и вспомнил про день взятия Бастилии. Был здесь по коммерческим делам.

– Ну, был. И что? Тебе тоже захотелось?

– Да нет же. Он рассказал, что его чуть толпа не казнила, приняв за наемного швейцарца, которые Бастилию обороняли. Эти-то коменданту голову оторвали, как его там звали?

– Маркиз Лоне,— опять подсказал Мишка.

– Ну да, Лоне. В общем голову ему оторвали, на пику насадили и по Парижу отправились гулять. Чтоб значит всех порадовать. Ну а заодно и всем подозрительным морды чистить. Вот Вилли им и подвернулся. Чудом, говорит, спасся. Монах влез какой-то и буквально отбил у толпы. Вилли даже прослезился, вспоминая. Говорит, уже голову хотели отрезать, когда этот монах подоспел и спас. И говорит, что очень на меня был этот монах похож. Если бы не разница в возрасте. Вот, мол, как бывает.

– Он что общался с этим монахом длительное время?— заинтересовался приключениями Вилли в Париже Мишка.

– Совсем не общался. Крикнул ему монах:— "Беги". Вилли и помчался со всех ног прочь. Толком не успел разглядеть, оглянулся один раз всего, когда за угол ближайший заворачивал.

– И что увидел?

– Говорит, что побоище увидел жуткое. Видать, толпа между собой передралась.

– Это все?

– Все, но я решил проверить. Что это за монах, на меня похожий, его выручил. Может как тот офицер, что Неккера отмазал? Ну а дальше... Блин... Попал как лох. Пацан этот:– "Мсье, женама сис жур". Тьфу.

– Как ты думаешь, почему я здесь?

– Понятно почему. Не вернулся вовремя, вот и задергался.

– Я три дня "дергался". Ты здесь два часа, а там тебя нет три дня. Что это может означать? А то, что не заявись я сюда сегодня и где тебя таскали бы эти гаврики одному Богу известно. По какой-то причине они решили тебя не отпускать целых три дня. Или на цепи бы сидел все это время, или дали бы еще раз по башке беспечной и уволокли бы в другое место.

– Вот гады!!!

– Да уж. Негодяи. Нет, чтобы сразу угрохать, как все приличные бандиты поступают.

– А я про что? Садисты, блин. Обязательно выясню, что они со мной сделать планировали.

– Сейчас... Так они тебе все и рассказали. Они может еще и сами не знают, что собирались. Им может, еще это в голову не пришло ни кому. Пока они просто держали вас всех

под замком, чтобы не мешали "работать". А завтра или послезавтра может быть, кому-то из них придет в голову идея ночью вас вывезти из города и продать на галеры гребцами. Особенно вы с мадам для этого габаритами подходите. Особенно мадам.

– А чего это ворье перегрызлось между собой? Твои штучки?

– Какие штучки? Просто я зашел, "побазарить". "Базар" не получился. Кончилось все "махачем". Вон даже шлюхи все в "отрубоне". Можешь выбирать любую, там их штук пять. Все красавицы, одна другой обольстительнее. Чаровницы. Женой будет верной, потому как нагулялась досыта.

– Издеваешься? Ну, ну, паяц. Ничего будет и на нашей улице пень цвести. Где, кстати, мое барахлишко? Кошель, "Перф", курево? Курить хочу, аж... Слов нет как. Эй, как там тебя? Зюзя, подь сюда, – Серега поманил к себе пальцем мадам, и та живенько подскочила, переваливаясь с боку на бок.

– Чего изволите, мсье?

– Изволю барахлишко свое назад получить. Где тут они склад устроили, награбленного?

– Вон в той комнатке, – указала на дверь мадам, пухлым пальцем.

– Отворяй закрома, – скомандовал Серега нетерпеливо, видать и, правда "уши пухли" от никотинового голода.

– Открыто, – махнула рукой мадам. Серега шагнул к ука-

занной двери и дернул кольцо-ручку на себя.

В комнате он пребывал минуты две и вышел оттуда расстроенный и хмурый.

– Нет моего ничего. Видать по карманам растащили, сволочи. Одна "Завеса" только осталась и то потому, что общаривали не внимательно,— Серега достал пластину из внутреннего кармана и шлепнул ее на ладонь.

– Интересно, почему ты ей не воспользовался в течение трех дней? Ведь под рукой была? А в ней тебе с цепью разобраться две секунды делов.

Серега пожал плечами.

– Может от удара по тылке у тебя амнезия приключилась. В смысле "здесь помню, а здесь не помню"?-

Серега опять пожал плечами.

– Ты меня узнал, когда в себя пришел?

– Узнал, конечно. Может они сволочи еще раз потом обыскать бы успели, если бы ты не появился? Сколько бы я еще провалялся?

– Не знаю. При сотрясении мозга человек может очень долго в отрубе лежать. Смотря чем сотрясти. А у тебя там шишка на полголовы была. Хорошо, что мозгов мало, кость в основном.

– Сам ты кость. Пора этих мизераблей допросить. Ох, чего-то кулаки чешутся. Видать к деньгам,— усмехнулся Серега.

– К деньгам ладонь левая чешется.

– А у меня все что чешется, все к деньгам,— отмахнулся Серега от Мишкиного уточнения народной приметы.

– А шпага где?

– В "Трояне". Монах при шпаге это было бы что-то.

– А монахи при саблях или мечах – это нормально?

– Ну, так это где? В дороге. И когда? В веке 14-ом. А у нас на дворе век просвещенный 18-тый. Буржуи власть берут везде. Техническая революция началась. Паровой двигатель уже, наверное, изобрели. Поднимай братву, хочу за жизнь с ними покалякать. Кто у них главный в шайке-лейке?

– Попробуй сам определить. Ты же любишь угадывать,— усмехнулся Мишка.— Спорим на подзатыльник, что с трех раз не догадаешься?

– Идет. Готовься,— Серега двинулся в сторону обнявшихся на полу Лохматого и Одноглазого.— Голубые что ли?— сплюнул он на пол и схватив обоих за шивороты, поставил на ноги.

Лохматый и Одноглазый, давно уже пришедшие в себя, но не имевшие возможности шевельнуться и даже разговаривать, оба шумно выдохнули сквозь стиснутые зубы и попытались вырваться из Серегиных рук, получив свободу конечностей. Это его позабавило и, приподняв обоих мазуриков за шивороты, так что ткань затрещала, он внес их в трапезную, как нашкодивших котят.

Причем оба так перепугались, повиснув в воздухе, что дергаться перестали и похожи на этих котят стали абсолют-

но, даже колени слегка поджали, не сговариваясь. Серега швырнул обоих на пол и принялся сгонять всю банду пинками в угол, подавляя легкое сопротивление.

Кто-то, похоже, что Огюст – отмороженный, швырнул в него тесак, который отскочил от "Завесы" в районе груди и привел мародеров в панику, а Серегу разозлил. И церемониться он перестал с мазуриками вовсе. Быстро, в течение считанных секунд, согнал их оплеухами в угол и шугнув вон, пришедших в себя "жриц любви", приступил к допросу.

Всего перед ним стояли, трясаясь и потирая разбитые лица, восьмеро оборванцев. Если до "разборок" кто-то из них еще мог похвастаться целой одежкой, то теперь таких не осталось совсем.

Мишка вошел следом за Серегой, пропустив выскочивших за двери шлюх, которые выглядели в смысле целостности платьев, не лучше "кавалеров". За дальнейшую их судьбу можно было не беспокоиться, в коридоре они сразу попали в заботливые, пухлые лапы мадам.

– Бедных девочек обидели, наряды попортили, прически порастрепали,– запричитала она приторным голоском,– Марш, стервы ублюдочные, в будуар. Чтобы через час выглядели как Мария-Антуанетта на Рождество,– закончила она басом и для профилактики, отвесила каждой "жрице" по оглушительной оплеухе. Мишка не стал вмешиваться в воспитательный процесс, хоть ему и стало жаль этих затюканных жизнью женщин.

– Всем молчать и отвечать только, когда буду спрашивать,— тем временем "прессовал" мазуриков Серега.

– Ты, тут главный?— ткнул он пальцем в Лохматого. Тот отрицательно мотнул головой, и Серега обвел внимательным взглядом всех "соискателей" в конкурсе "угадай атамана".

Половину он отсеял, так как они не соответствовали, по его мнению, на 100% процентов этому званию, ввиду своей невзрачности. Оставшихся троих, принялся осматривать, как покупатель осматривает на рынке выбранную лошадь. В зубы, правда, заглядывать не стал, но одного "соискателя" даже потрепал слегка по перевязанной щеке. Парень вынес эти пощечины молча, и только кровавая слюна, побежавшая из уголка губ, выдала, чего это ему стоило. Мишке именно этого, маявшегося от зубной боли мазурика, стало жаль:— "Еще ведь и кружку лбом поймал. Крепкая голова у парня", — посочувствовал он ему и щелкнув пальцами, снял с него зубную и прочие хвори. Облегчение наступило настолько стремительно, что парень схватился рукой за щеку, не веря такому счастью.

– На месте пока голова,— взглянул на него пристально Серега.— Ты что ли тут заправляешь в этой коdle?

– Нет,— отказался от предложенной чести мазурик, ошупывая щеку. Затем, не удовлетворившись поверхностной ревизией, он полез пальцем в рот, чтобы убедиться, что болевший проклятый зуб на месте. Зуб оказался на месте и вел себя прилично, т.е. не ныл и не сводил с ума пульсирующей

болью. И тогда глаза парня засветились таким счастьем, что даже Серега заметил эту перемену и спросил:

– Чего это засиял, как задница на заборе?

– Зуб!

– Ты Зуб?– переспросил Серега.

– Не, я не зуб, я Конь. Зуб-гад не болит больше,– Конь радостно засмеялся, демонстрируя еще с десятков потенциальных "гадов". От остальных экстремальная жизнь уже успела его избавить.

– Поздравляю, Конь,– Серега нахмурился, до подзатыльника осталось всего ничего и шансы у него 50 на 50-т. Так он считал, разглядывая потенциальных претендентов на почетное звание "атамана"

"Одноглазый или этот Долговязый хмырь",– решал он дилемму и никак не мог определиться. Интуиция ему подсказывала, что от подзатыльника не уйти и спор он проиграет наверняка, поэтому оглянулся на Мишку и спросил:

– В этой или той четверке?

– Хрен с тобой, подскажу – не в этой,– пошел на уступки Мишка, озадачив Серегу окончательно.

– Точно?

– Точнее некуда. Выбирай кого-нибудь уже, плюхи видать, не избежать тебе сегодня,– Серега принялся внимательно изучать стоящую перед ним и переминающуюся с ноги на ногу четверку, отсеянную им в самом начале конкурса, как не перспективную. Наконец, поколебавшись секунд десять,

он ткнул пальцем в лоб того самого "кавалера", которому досталось в самом начале разборок по причинным местам и поэтому стоящего широко расставив ноги.

Именно эта стойка, "бывалого морского волка" и ввела в заблуждение Серегу. Знал бы он, отчего иногда совершенно сухопутные крысы в течение нескольких минут становятся "бывалыми морскими волками", очень бы удивился.

– Все, попыток три,– подвел итог Мишка.– Огюст, шаг вперед,– Огюст глянул исподлобья, но шаг сделал.

– Этот шибздик Огюст? Вот уж в последнюю очередь бы на него подумал. Хитер видать, парниша. Раз с такими головорезами вроде вот этого Одноглазого управляешься. Вопрос первый, атаман, где мое барахло?

– Серега изумленно переводил взгляд с невзрачного атамана на Мишку и, пожалуй, не удивился бы, если бы Огюст принялся бы отрицать свое атаманство. Но мародеры молча полезли в карманы драных штанов и выложили на протянутую Серегину ладонь "Перф", зажигалку и кошель с монетами. Кошель выгреб из кармана Огюст. Серега взвесил его на ладони и пришел к выводу, что явно вес убавился значительно.

– Куда потратили?– уставился он взглядом удава на Огюста и тот, завихляв глазами, полез в глубины своего тряпья и вынул из них еще почти горсть золота.

– Заныкать хотел? От братвы. Крысятничаешь, командир?– осуждающе покачал головой Серега. А мароде-

ры оскалились на своего предводителя, все одновременно сверкнув глазами. Даже Конь лыбиться перестал и скорчил недовольную гримасу.

– Сигареты где? Табак, где спрашиваю? Коробка бумажная с верблюдом? Лошадь горбатая нарисована,– вспомнил Серега про "пухнувшие уши".

– Не балуемся мы ни кто табаком этим. Пьеро отдали. Ему картинка понравилась. Пусть нюхает,– оскалится Лохматый.-

Турок, сбегай за Пьеро.

Белобрысый Пьер явился тотчас же и, вытащив из-за пазухи пачку, дрожащей рукой протянул ее Сереге.

– Я только одну попробовал,– признался он виновато.

– Что попробовал?– не понял Серега.

– Ну, эту, самую. В которой табак. Его жевать надо. Я знаю.

– И как?– заинтересовался Серега. Пьер скривился и, вспомнив вкус табака, сплюнул.

– Не понравился, значит?– Серега достал сигарету и, прикурив, выпустил дым в сторону стоящей в углу шайки.– Его еще и курят. Не видел ни разу?

– Не-е-е-т,– удивился Пьер. И изумленно вытаращил глаза на то, как монах выпускает клубы дыма.

Глава 3

"Разбор полетов" продлился минут десять. В течение которых Серега выкурил две сигареты, а бывшие узники, получив свое барахло, экспроприированное у них шайкой Огюста – тихо, без скандалов разбежались из заведения мадам Зизи.

– И последний вопрос, чмурики. Куда собирались деть людишек? Ну? Не слышу, – Серега обвел взглядом шеренгу мародеров.

Огюст пожал недоуменно плечами.

– Не придумали, значит, еще? А вот что нам с вами теперь делать? Бастилия закрыта, да вас туда, пожалуй, и не приняли бы. Там в основном за политику сидели. А вас без лишних слов просто повесили бы и все. У кого есть идеи? – мародеры уныло молчали, повесив "буйные" головы.

– Мишель, может отправить их в паломничество какое-нибудь? К Гробу Господню, например. Тут рядом, за год дойдут, – предложил Серега.

Шайка, услышав о паломничестве, начала переглядываться с ухмылками на разбитых губах.

– Чего обрадовались? – окинул их суровым взглядом Серега. – Пойдете, как миленькие. Ну что, Мишель, как тебе моя идея?

– Нормально. Дай им десяток монет на продукты и пусть

валят,— Мишка щелкнул пальцами и зашевелил губами. Лица оборванцев вытянулись удивленно, затем у всех подернулись вселенской печалью и не сговариваясь они рухнули на колени, крестясь и отбивая земные поклоны.

— Вот и настрой у ребят, вижу, соответственный появился. Встать! К Гробу Господню шагом марш. Это на юге. Солнце утром слева будет светить,— Серега, сориентировав шайку, щедро отсыпал Огюсту в ладони монет и похлопал его по щуплому плечу:

— Веди своих орлов, командир. С песнями чтоб. Знаете хотя бы одну? Нет? Ну, братан, так не годится. Запоминайте, специально для паломников псалом сочинен.

Как будто ветры с гор
Трубят всем нищим сбор
Дорога нам до гроба далека
И уронив платок,
Чтоб не видал никто
Слезу смахнула девичья рука
Не плачь, девчонка, пройдут дожди
Мы все вернемся, ты только жди
Пускай далеко твой верный друг
Любовь на свете сильнее разлук!— напел мелодию и слова
Серега.

— Запомнили? Вперед. Запевай!— и шайка, вывалившись на улицу, зашлепала по ней в южном направлении, на десять голосов распевая "псалом":

– Дорога нам до гроба далека...

– Ну вот, шлягер запустили,– обрадовался Серега.– В Иерусалиме такими темпами к осени будут. Поехали Вилли искать. Филя, вперед!

Париж бурлил. Похоже, что все горожане высыпали на улицы и устроили массовые гуляния. Толпы народа вывалили на набережные Сены и восторженно слушали участников штурма Бастилии, которые возвращались от крепости и, собирая вокруг себя любопытных, расписывали в красках, как героически они "штурманули" королевскую твердыню.

Мишка с Серегой подъехали к одному из таких ораторов, который взобрался на телегу и с нее делился, с окружившими его парижанами, впечатлениями от штурма. Мишка с удивлением узнал в ораторе, того самого замухрышку в помятом цилиндре, которому он объяснял пару часов назад про флаг и деньги в закромах Бастилии. Цилиндр коротышка где-то потерял и теперь у него на голове красовался блестящий в некоторых местах шлем, а на тушке помятая кираса швейцарского наемника. Прихватил, очевидно, во дворе Бастилии. Вид в ней у оратора был воинственный и грозный. Коротышка размахивал руками и выкрикивал в толпу парижан свои впечатления от штурма:

– Эх, как мы им! Вот этими самыми руками,– потряс он кулачками.– Троих швейцарцев задушил.

– Да иди ты,– не поверил Мишка.

– Или четверых, я и не считал. Их там как тараканов бы-

ло. Коменданта с офицерами всех в ратушу поведут. Я сам слышал,— коротышка приложил руку козырьком ко лбу и радостно сообщил:

— Вон, ведут уже,— толпа заволновалась и развернулась в сторону процессии двигавшейся в их сторону. По набережной двигалась группа арестованных защитников крепости, окруженных конвоем из гвардейцев и вооруженных ремесленников. Инвалиды и Швейцарцы-наемники, подталкиваемые прикладами и пинками, шли, понутив головы, а народ забрасывал их тем, что подворачивалось под руку. В арестованных летели недозрелые каштаны, обломанные ветки и даже камни.

— Предатели. Изверги!!!— заполошно заорала какая-то прачка, добавляя остроты в народное негодование и схватив ушат с помоями, стоящий у ее ног, швырнула его в процессию. Совершенно не заботясь, о том в кого он попадет. Помоями окатило в первую очередь конвой и сопровождению арестованных такое внимание активного населения, сразу нравиться перестало окончательно.

— Прекратить!— заорал офицер командовавший оцеплением и отшвырнул, вцепившуюся ему в рукав обезумевшую прачку.— Уйди прочь, дурра!

— А-а-а-а-а!— завывала та, упав на булыжники.— Убийца-а-а-а-а-а! Люди-и-и-и, помогите!

— Своих защищае-е-е-т!— подлил масла в огонь коротышка с телеги.— Бей офицеров, предателей народа!— и на-

род, услышав призыв своего неформального лидера, схватился за дубины, копья и топоры. Только что стояли и слушали вполне миролюбиво, раскрыв рты и вдруг, откуда что взялось. Толпа буквально взбесилась, налетев на конвой и затаптывая ползущую на четвереньках прачку-помойщицу.

Охрана оцетинилась штыками и саблями, но в дело пошли топоры и пики, которых было гораздо больше и стычка переросла в избиение конвоя вместе с конвоируемыми. Их оттеснили к набережной и долбали чем попадя. Несколько офицеров пытались образумить толпу и даже выстрелили вверх из пистолетов, но только раззадорили напавших. Какой-то здоровенный мужик в фартуке и белом колпаке на голове, очевидно повар, размахивая кухонным ножом, ринулся на идущих в первом ряду колонны арестованных коменданта крепости Лоне и попытался ткнуть им его в грудь. Но тот, ловко увернувшись, пнул верзилу ногой в живот.

Получив качественно ботфортом под дыхало, повар согнулся пополам и, хватая ртом воздух, выпучил глаза.

– Измена-а-а-а!!!– орал коротышка с телеги, подпрыгивая на месте. И народ подхватил:

– Бей, аристократов!!!– еще интенсивнее замелькали топоры и дубины, сбивая с ног десятка два конвоиров. Повара заботливо отвели в сторону и две сердобольные женщины в чепцах, принялись оказывать герою неотложную помощь, заключающуюся в благих советах и поглаживанию по голове плешивой, уже без колпака.

А народ, повиснув на конвое и арестованных гроздьями, рвал несчастных в клочья.

— Дайте мне!!!— отдышавшийся повар, размахивая ножом, ринулся в свалку и, подобрав на ходу, оброненную кем-то из конвойных саблю, протолкался к обидевшему его коменданту.

— Руби ему голову мерзавцу!— подал совет с телеги коротышка и повар, сбив с ног маркиза де Лоне, тут же не задумываясь и воплотил этот совет в жизнь.

Двумя ударами сабли он почти отделил голову несчастного от туловища и dokonчил обезглавливание кухонным ножом, которым в отличие от сабли пользовался гораздо профессиональнее.

Ему тут же подсунули ржавую пику, на жало которой он и насадил уже мертвую голову коменданта. Бывшего, последнего коменданта, бывшей королевской тюрьмы.

Обезглавленное тело швырнули в Сену и оно поплыло, окрашивая воду в красный цвет.

Откуда-то из ближайшей улочки к месту расправы над конвоем и арестованными, выбежали сотни полторы гвардейцев, под командованием офицеров они кинулись на помощь товарищам и слаженными действиями, оттеснили толпу от жертв. Окружив их плотным строем, они сверкнули штыками и по команде офицера, выпалили над головами людей, приводя их в чувство.

— Всем прочь!— орал усатый капитан, выпучив от напря-

жения глаза.— Всех перестреляю!— толпа колыхнулась и отхлынула, унося в виде трофея комендантскую голову на пике.

Мишка с Серегой наблюдали за развернувшимися драматическими событиями, и желания ввязываться в потасовку, на чьей либо стороне у них не возникло.

— Молодец капитан,— похвалил действия офицера, стоящий рядом с Мишкой лейтенант артиллерист, скрестивший руки на груди.— А комендант Лоне — полная бездарность. Эту Бастилию можно было оборонять бесконечно с ее гарнизоном и десятком пушек. Тюремщик. Крыса казематная. Разжирел на казенных харчах, обкрадывая заключенных. Шестьдесят тысяч ливров в год жалования имел подлец. Вот и получил, что заслужил.

— Вам не жаль, мсье, обезглавленного маркиза?— Серега слез с лошади и представился.— Фридрих Энгельс — путешествующий монах.

— Нисколько, мсье монах,— скривил губы в презрительной ухмылке лейтенант.— У Лоне ее уже не было, судя по его поступкам. Лейтенант артиллерии Наполеон Буонапарт — честь имею.

Серега с Мишкой удивленно переглянулись. — "Вот так встреча",— подумал Мишка и представившись, спросил будущего Императора Франции:

— Вы бы действовали иначе?

— Разумеется. Я бы разогнал этот сброд в первые же пол-

часа.

– Но ведь весь Париж миллионный высыпал на улицы. Вы бы стали стрелять в безоружную толпу? В женщин и детей?

– Народ! Париж это еще не вся Франция. А женщины и дети имеют ноги, чтобы убраться из-под картечных розг.

– У вас железные нервы и холодное сердце, мсье лейтенант, – сделал комплимент Наполеону, пока еще Буонапарту, Серега. – А как вы относитесь к королю Франции Людовику XVI-му?

– Жалкий, ничтожный, слабовольный правитель. Он обречен, – лейтенант боднул лбом воздух и презрительно скрипевшись, закончил краткую характеристику короля, предсказанием его судьбы.

– Кончит на плахе. Иметь столько власти и не уметь ей пользоваться – это достойно наказания.

– А если бы вы были королем Франции, то чтобы вы предприняли для наведения порядка и установления мира в государстве? – спросил Серега.

– Я? – Наполеон озадаченно уставился на него. Видимо эта задача и такие перспективы, пока не приходили корсиканцу в голову. Затем он усмехнулся одними губами и, не мигая, уставившись на клубы дыма стелющиеся со стороны павшей Бастилии, ответил резко и уверенно:

– Все решают пушки и большие батальоны. А этим... – лейтенант пренебрежительно кивнул в сторону толпы... – я бы нашел, куда выпустить свою ярость. Хлебом и зрелищами

обеспечил бы, мсье.

– Неужели они не достойны лучшей участи, мсье Наполеон Буонапарт?

– Участь определяю не я, а Рок. Все претензии к Создателю, которому вы служите. Люди рождаются, чтобы умереть и исключений из этого правила нет. Промежуток же между этими двумя главными событиями в жизни каждого, всяк заполняет в меру отпущенных ему Провидением талантов. Нужно быть большим глупцом, чтобы верить во всеобщее Равенство и Счастье и большим негодяем, чтобы заявлять это. Прошу прощения. Мне пора. Служба,– Наполеон резко повернулся и зашагал прочь, придерживая шпагу.

– Нужно было взять у него автограф. Великий человек на старте,– улыбнулся Серега.

– Стартанет, года через три. Пока присматривается. Сейчас ему лет двадцать. А в двадцать четыре уже будет бригадным генералом. Но нам тоже пора. Поехали вслед за головой Лоне,– Мишка кивнул в сторону толпы.– Вон ее потащили,– толпа вокруг страшного трофея колыхалась и двигалась в сторону ратуши по набережной. Пику нес с отрубленной головой, повар с торжествующей улыбкой на толстой физиономии, а рядом с ним шагал все тот же неугомонный коротышка и выкрикивал лозунги:

– Долой власть аристократов!!!– орал он, синяя от усердия.

– Долой!"– соглашалась дружно толпа, возбужденная про-

литой кровью.

– Долой тюрьмы!!!– коротышка не унимался.

– Долой!!!– подхватывала охотно толпа.

Мишка с Серегой пристроились метрах в двадцати сзади прущихся с пикой лидеров и молча осматривались по сторонам. Так и добрались вместе со всеми до острова Сите, на который толпа влилась через мост и здесь, у памятника королю Генриху IV-му, процессия задержалась.

– Поклонись своему королю,– заверещал коротышка и повар наклонил голову на пике, скабрёзно ухмыляясь и радуясь, что день у него сегодня выдался таким содержательным.

– Эй, Генрих, прелюбодей. Поприветствуй своего верного пса,– изощрялся в остроумии недомерок в кирасе. Король надменно молчал и смотрел прямо перед собой. В отличие от его лошади, которая косилась на коротышку, повернув голову.

– Эй, Бурбон. Слезай. Твое время кончилось,– коротышка поднял с земли булыжник и запустил его в статую, попав прямо в голову короля. Это его так воодушевило, что он тут же придумал новый лозунг:

– Смерть Бурбонам и аристократам,– завыл недомерок, лязгая очередным булыжником по своей щуплой, но защищенной кирасой груди.

– Смерть!!!– толпа по примеру своего вдохновителя принялась швырять в Генриха-IV-го камни и палки. Один из булыжников отскочил от крупа лошади и попал прямо в голо-

ву коротышке, загремев по кирасирскому, трофейному шлему. Коротышка поспешно отскочил подальше от памятника и заорал:

– Долой Тиранов. Да здравствует Равенство!!!

– Ну, вот один, Негодяй, по мнению Наполеона, уже орет о Равенстве,— констатировал Мишка.

– Аристократа поймали,— раздался торжествующий вопль и к статуе, раздвигая толпу, поволокли кого-то, пиная и улюлюкая. Дотащили до предводителей и вышвырнули к самому постаменту.

"Аристократ", не устояв на ногах, растянулся во весь свой длинный рост, рассмешив публику до колик. Толпа ухахатывалась, наблюдая, как ошалело трясет носатой головой "аристократ" и пытается встать на дрожащие от страха ноги.

Был он в разодранной в клочья рубаше с кружевами, панталонах и чулках. "Аристократ" уже почти поднялся, когда получив здоровенного пинка от стоящего с пикой повара, вынужден был опять растянуться во весь рост. Добавив веселья народу, жаждущему зрелищ.

– Говори, мерзавец, сколько высосал пинт кровушки народной?— вспомнил о своих обязанностях лидера коротышка.

– Их бин ниht Аристократ. Я есть коммерсант,— проблеял вновь встающий на ноги "аристократ".

– Швейцарец, изменник,— обрадовался неформальный лидер.— Лопни мои глаза.

– Нихт, нихт, найн. Их бин коммерсант,– заорал испуганно коммерсант, отрещиваясь от нового обвинения.

– А ведь это Вилли,– кивнул Мишка на затравленного толпой немца.– Я сразу и не узнал его. Задолбали до неузнаваемости. Давай, выручай. Раз уж заявился сюда. А я, ежели что, подстрахую,– Серега понимающе кивнул и верхом на Верке двинулся в сторону памятника, раздвигая лошадиным крупом "Трояна" веселящихся парижан.

– Отрубить голову паразиту изменнику, что с ним разговаривать?!– выкрикнул кто-то в толпе. Повар, услышав "пожелания трудящихся", сунул пику с выпучившей глаза головой Лоне, коротышке и, размахивая саблей, двинулся к Вилли, с намерениями самыми предсказуемыми. "Глас народа – глас Божий",– прочел, очевидно, на его кровожадной физиономии немец и попятился, спотыкаясь о ступени, ведущие к постаменту.

Повар размахнулся, прицеливаясь к шее жертвы и если бы не железная хватка, которая вдруг сковала его руку, то покатилась бы носатая голова коммерсанта обратно по ступенькам. Повар удивленно оглянулся и увидел монаха, сидящего на лошади, который перехватил его запястье и теперь довольно скалил зубы.

– Ты что? Придурок в рясе, не мешай,– рванул он руку, но монах зажал ее насмерть и, приподняв повара, заявил ему в выпученные от боли и возмущения глаза:

– Заткнись, урод. Я знаю этого господина. Он не аристо-

крат, не Швейцарец и не изменник,— а потом повернул голову к обмершему немцу и скомандовал.— Беги!!! — немец рванул с такой поспешностью за постамент, что ни кто не успел даже глазом моргнуть. Первым опомнился коротышка и сунул Сереге мертвую голову в лицо, заставив брезгливо отшатнуться.

— Ты чего лезешь?— орал недомерок, потрясая пикой.

— А ты чего мне в лицо эту пададь суешь?— рассвирепел Серега, отталкивая ногой напирającego на него неформального лидера толпы.— На, своего палача, держи,— Серега перебросил повара через круп Верки и уже летящему, добавил ему подзатыльника.

Повар взвился ласточкой над головами, заставив всех изумленно примолкнуть и с ревом пронесясь над толпой метров пять, рухнул в нее своей стокилограммовой тушей, сбивая с ног неудачников, оказавшихся в этот момент в точке приземления.

И наступила тишина, мертвая, прерываемая лишь карканьем воронья, слетевшегося поглазеть на человеческие кровавые забавы. Длившаяся всего секунд пять и прерванная заполошным воем коротышки:

— Бей, монаха! Это плохой монах! Это прислужник аристократов и изменников!— и подавая пример, первым кинулся в атаку с пикой наперевес.

Пику у него Серега тут же вырвал из ручонки и, стряхнув с нее голову несчастного Лоне, принялся охаживать по

спинам железным прутом всех желающих получить "острые ощущения". Вой и сумятица поднялась такая, что слышно было наверняка на всех окраинах Парижа.

А Серега, спешился и, отбросив пику, двинулся с острова к мосту. Отвешивая плюхи налево и направо. Народ, сначала кинувшийся на него с подручными средствами, теперь попросту в панике разбегался, бросая бесполезные топоры и вилы.

Вмешательство Мишкино не потребовалось, и он молча последовал за Серегой к мосту а, дойдя до него, оглянулся на островок с памятником. Половина толпы валялась, остальные тряслись,

– Мишка усмехнулся и, щелкнув пальцами, вскочил в седло. Серега ждал его на другой стороне моста уже тоже в седле и нетерпеливо поглядывал в сторону памятника.

– Поехали, пока эти отморозки не опомнились. Сейчас ведь еще и в погоню кинутся. А я уже план, по сворачиванию челюстей, перевыполнил сегодня. Надоело, да и перекусить пора.

– Поехали. Мне и самому эта Революция надоела. Слов нет как, – согласился Мишка.

А толпа приходила в себя и наливалась запоздавшей яростью, распаляемая опомнившимся недомерком в кирасе.

– Чего стоим? Изменники убегают, – заорал он возмущенно. И вслед за парнями ломанулось сразу человек 50-т энтузиастов с топорами и вилами.

– Ну вот, что я говорил? Поехали. Пусть пробегутся по набережной.

– Погоди. Я им сюрприз приготовил,— улыбнулся Мишка, наблюдая, как подбегают к мостику самые шустрые с вилами и пиками наперевес.

Атакующая волна первым рядом, человек в пять, со всего разбегу, врзалась в прозрачную преграду и сползла под ноги очередным пяти атакующим, которые, не поняв причины, по которой вдруг упали первые, машинально скакнули через тела, врзаясь так же головами в стену и сползая на лежащих товарищей. Через десять секунд человек двадцать уже лежало на входе и остальные наконец-то сообразив, что происходит что-то ненормальное, потрясенно остановились, боясь подойти к стонущим и ползущим прочь от моста, зашибленным и затоптанным.

– Ну вот, теперь поехали,— Мишка щелкнул пальцами, и мост просел в реку, утаскивая вслед за собой нескольких самых невезучих и нерасторопных. Обрушившись с обеих сторон, мост неуклюже перекосился и высыпал содержимое за парапет в вонючие, речные волны.

– Утонут ведь,— посочувствовал потерпевшим Серега.

– Дерьмо не тонет,— усмехнулся Мишка, щелкая пальцами и, очевидно, добавляя плавучести "дерьму".— Кому суждена гильотина — тот не утонет,— философски произнес он пророческие слова и пришпорил Лерку:

– Но-о, подруга дней моих суровых.

Глава 4

Следующие два месяца пролетели быстро, заполненные в основном хлопотами в училище. Мишка мотался в Питер 1996-го несколько раз, а Серега неожиданно для всех и прежде всего для себя самого, втянулся в педагогическую деятельность. Слегка освободив от этой ноши Академика, который имея теперь возможность, подолгу пропадал в афганской пирамиде.

Возвращался он оттуда всегда с восторженной улыбкой и, делаясь впечатлениями, частенько переходил незаметно для себя на язык допотопья.

– Леонидович, а по-русски?– Мишка понимающе улыбался.

– Прошу прощения, увлекся. Первозыск. Грамматика, кстати, очень похожа на русскую и даже слова некоторые совпадают. Корни. РА, ГА, ДА. Словообразующие слоги. Я нашел сборник поговорок и побасенок. Половину мы знаем.

– Так вы что, Федор Леонидович, уже по ихнему читать выучились?– Петр Павлович изумленно привстал со стула,– разговор происходил как обычно в столовой пошивочной мастерской.

– Я же говорю, что грамматика очень похожа. Написание, конечно, иное, но не сложнее китайских или японских иероглифов. Я уже и над словарем работаю. Третью тысячу слов

систематизировал.

— А не проще поставить задачу любому "Трояну"?— пожал плечами Мишка.— У меня полосатые составили такой календарик, от потопа до наших дней, пальчики оближешь. Сейчас переводят его на древне-шумерский и зашифровывают по первой главе "Слова о полку Игореве".

— А это еще зачем?— удивился Академик.

— Чтобы времени на "дедовщину" не оставалось,— пояснил Мишка.— Работают, заразы по 24-часа в сутки. Я им, правда, всю информацию приказал по десять раз перепроверять, чтобы значит, из разных источников совпадало. Независимых.

— И что же?

— Пришлось до пяти источников убавить. Ни одна информация достоверной не признана при таком требовании.

— Как так ни одна? Но ведь есть информация, которая не требует вовсе никакой проверки, тем более десятикратной из различных источников. Например, день независимости России. Дата и дата. Что ее проверять?— не понял Федор Леонидович.

— Ну да, если взять постановление правительства России или Указ президента и поверить ему. Значит, нужен перечень организаций, которые можно не проверять. А если ту-по требовать десять источников, то эта информация о дне независимости попадает в раздел недостоверных. Они же не понимают этих тонкостей. А если разрешить такие списки

авторитетных источников составить, то столько будет всякой информации недостоверной, которую эти организации нагородили и утвердили... В общем, работают, как бешеные и результаты просто... Почему бы и вам их не привлечь? Давайте, дадим команду. А вы потом проверите и отредактируете. Пока для узкого круга пользователей, но может быть, когда-нибудь Человечество созреет к перевариванию своей допотопной истории в ее развернутом виде?

– Интересно самому поработать, Петрович. Если мы все "Троянам" отдадим, то, что нам останется?

– Контроль.

– А творческий процесс?

– А творческий процесс оставьте для новых произведений. "Трояны" за людей не напишут стихи, книги и музыку. Я попробовал дать простенькое задание – перевести стишки Гете на русский и чтобы рифма была, как положено.

– И что получилось?– заинтересовался результатом Академик.

– Кошмар получился. Не могут. Не понимают поэзии. «Не логично, лишено смысла». Ирония, восхищение, сопереживание, боль – все человеческие чувства им не понятны. И с математической точки зрения не имеют измерения. Последствия они способны зафиксировать. Частота пульса и его увеличение выше нормы, вот что такое волнение. Участился пульс, дыхание, температура тела повысилась, вес прибавился или убавился. Это человек признается в любви или бе-

жит стометровку на стадионе. Какая разница? Им никакой. Машины. Однако использовать их для ускорения процесса вполне возможно. Они завалят информацией, а ваша задача ее упорядочить по-человечески. Им этот порядок не понятен. А у вас нет такой скорости обработки и поиска информации.

– Я подумаю над твоим предложением, Петрович. Ты сам-то не собираешься получить высшее образование? Могу протекцию составить, – подмигнул Академик.

– Я, Леонидович, открыл для себя другой способ получения высшего образования, неофициальный.

– Это какой же?

– Самообразование, – улыбнулся Мишка. – Мне ведь диплом без надобности и от амбиций честолюбивых Создатель меня избавил, так что все, что нужно мне это желание, а источников, откуда можно черпать информацию предостаточно. Главное – научиться с ними работать. Вот этим и занят сейчас. А сидеть в аудиториях и лекции слушать академические – увольте. Ваши я слушаю с удовольствием, но по всем остальным вопросам авторитетов, увы, не вижу. Более того я тут недавно влез в информационную структуру допотопья, которая занималась систематическим образованием в те времена и методами усваивания информации и нашел там несколько методик, позволяющих раскрывать потенциальные возможности мозга до-50-ти процентов. Представляете перспективы? Сейчас современный человек обходит-

ся вполне-10-тью. Методики простые. Комплекс дыхательной гимнастики и аутотренинга. Результаты ошеломляющие. Можно запоминать прочитанный текст без зубрежки. Даже ваш словарь с тремя тысячами слов, мне теперь достаточно всего лишь прочесть,— уверенным тоном заявил Мишка.

— Не может быть!— Федор Леонидович приподнял удивленно брови.— И вы готовы это нам продемонстрировать?

— С удовольствием. По крайней мере, никто не заподозрит меня в заранее выученном уроке. Где ваш труд?

— В мазаришарифке!— улыбнулся Академик.— Завтра принесу.

— Зачем же завтра?— Мишка вынул из кармана браслет.— Вот в чем прелесть МЭ — позволяет не откладывать на завтра то, что можно... отложить на послезавтра. Мечта лодыря,— Мишка надел браслет и перед ним на столе появилась толстая записная тетрадь в жестком переплете.— Леонидович, вы все по старинке перышком скрипите?

— А как же иначе?— не понял Академик.

— А иначе — это когда на экране ЭВМ, а потом в распечатку готовый, выправленный текст. Бумаги экономят в будущем на этом Человечество миллионы кубометров.

— Всему свое время,— согласился академик.— Ну-с. Вот эту страничку прошу.— Он открыл наугад тетрадь и ткнул пальцем в строчки.— Не обессудь, пишу мелко и не всегда разборчиво, но без грамматических ошибок, смею уверить. Академик словесности все же, звание обязывает.

– Ну-у-у, Федор Леонидович, а как же поговорка про сапожника, который без сапог?

– Правильная поговорка, но бывают исключения. Некоторые сапожники вполне прилично обувались. И потом, что такое "сапоги" в словесности? Наверное, труды эпистолярные. У меня их, увы, нет. Значительных нет. Не значительных, множество накропал многогрешный Аз. Так что и ко мне так же применима сия народная мудрость. Прошу. Начинайте.

– Все. Уже прочел,— улыбнулся Мишка.

– Когда успел?— не поверил Академик.

– Пока вы сапожную теорию обосновывали. Вполне читабельный почерк и ошибок действительно нет грамматических. Синтаксических тоже нет. Тавтология, правда, присутствует, но оправдана необходимостью. Помарки присутствуют и "н" с "и" похожи по написанию.

– Ну, батенька...— развел руками в притворном возмущении Академик.— Вам в цензоры только теперь прямая дорожка.

– Вот уж увольте. Я как-нибудь "пешком постою",— Мишка принялся скороговоркой повторять текст, прочитанный в тетради минутой ранее и закончив, спросил: — Ну как?

– Одна ошибка всего. Переставил местами слова в предложении,— опять развел руками Академик.— Ну, брат, сумел огорошить. И что — эта методика всякому доступна или есть ограничения?

– Нет ограничений. Доступна всем. Кроме ленивых,—

Мишка достал из кармана камзола листочек с текстом.— Вот кратенькая инструкция. Кому интересно, можете ознакомиться, — и к листкам потянулись руки всех присутствующих. Даже Тихоновна, в этот раз от огородных забот оторвавшаяся и та не удержалась. Листки, прихваченные со всех сторон, повисли над столом, и присутствующие сконфуженно все одновременно отдернули руки.

— Похвальное стремление к новому и непознанному,— засмеялся Мишка, щелкая пальцами.— Вот еще одно преимущество МЭ. Ксерокса не нужно. Восемь экземпляров. Катюш, тебе тоже интересно?

— Интересно,— кивнула Катюша.

— Ну, вот теперь вас всех за уши минут десять не оттянешь. По себе знаю. Пока прочитаете, пока проверите, пока радоваться три часа будете. Минут десять — в общем.

— Что-то у тебя, Миха, с арифметикой, мне кажется, проблемы. Пока, плюс пока, плюс три часа и в результате десять минут. Может тебе учебник арифметики ускоренно за первый класс нужно прочитать?— Серега оторвал взгляд от своего экземпляра инструкции и взглянул на друга с усмешкой.

— Некогда, Серега, семью вот кормить надо. Жена-то вон грозитя уже не двойней, а тройней осчастливить,— рассмеялся Мишка.

— Ты что, Мишань, не припомню что-то я таких угроз,— всполошилась Катюша.

— Как же! Вчера после обеда, когда из-за стола вставала,

так прямо и сказала:— "Ох, тяжело, будто не двое вас там у меня, ребяташки, а трое".— Говорила?

— Ну, сказала, но не грозила,— сморщила носик Катюша.— Размечтался,— улыбнулась она.— Не мешай мозги просвещать.

— Молчу. А вот где мы рожать будем? В каком веке я имею в виду. В этом или в 20-м?

— И думать тут нечего, в Питере конечно,— вмешалась в разговор Нина Андреевна.— Здесь бабки повитухи с корявыми руками. Что-то нет у меня к ним доверия. В 20-м, только там и слышать ничего другого не хочу. Разговоров даже быть не может на эту тему. Ты, зайка, и у врача за все время ни разу не была. У нас все, кто в положении, наблюдаются в обязательном порядке. Вдруг что не так?

— Что не так?— испугалась Катюша.— Я себя хорошо чувствую. Кушаю хорошо.

— Вот. Лишний вес, говорят, это плохо,— посетовала Нина Андреевна.

— Как же, если хочется? Я ведь и за них ем,— растерялась Катюша.

— Врачи говорят.

— Ма, прекрати пугать мою жену. Она потом ночью ворочаться будет,— посчитал нужным вмешаться Мишка.

— И что?— Катюша прихватила Мишку за ухо.— Боишься, что раздавлю ненароком?

— Не боюсь, но опасаясь,— Мишка обнял жену.

— Гляжу я вот на вас, Миха, прямо самому жениться захотелось,— Серега улыбнулся и вздохнул притворно.

— Это тебе еще зачем?— удивился Мишка.— И потом старый ты уже, кому такой нужен? Девушки любят молодых и красивых. И умных,— хмыкнул он.— Я же тебе у Зюзи предлагал жену подыскать, а ты зачочевряжился, нехорошим словом итальянским обозвал. Паяцем. Вот и ходи в старых девках.

— Вот ты значит как?— надулся Серега.— Я значит к нему всей душой, а он значит свою избушку к лесу передом, а ко мне задом. Нет, чтобы помочь другу, поддержать морально, супругу подыскать достойную. Вот на какую первую покажешь на той и женюсь.

— Ты еще как в сказке поклянись, что кто первая в дверь трапезной войдет на той и женишься всенепременно, да же если это молочница Фекла заявится. Она как раз завтра должна с утра быть. Сколько ей лет, Катюш? Шестой десяток? Женщина в самом расцвете сил. Вяжет опять же хорошо. Вон какие носочки сплела, рукодельница. Ухожен будешь. Молоко опять же свое, не покупное. Буренка у Феклы удоиная шибко. По три ведра в день дает. И молчунья по жизни. Достойная женщина,— принялся Мишка расхваливать потенциальную претендентку на руку и сердце Сереги.

— Так она же немая с рождения?— подпрыгнул на стуле Серега.

– А тебе что с ней песни распевать? Хватит вам в семье и одного барда. Ты будешь петь, она носки вязать. Оба при деле, в долгие-то зимние вечера. У нее и домишко справный. А труженица какая. За десять верст крынки прет неподъемные. Будешь на Верке молоко развозить, Фекла хоть рукам передышку получит. Они вон у нее уже ниже колен оттянулись. Жалко до слез бабу. Будет тебя на завалинке дожидаться. Дородности прибавится от жизни спокойной,– продолжил Мишка.

– Да куда еще дороднее-то?– взвыл Серега.– Она и так пудов семь весит.

– Хорошего человека должно быть много. Слыхал?– продолжал подтрунивать над ним Мишка. Даже Катюше стало жаль всерьез всполошившегося Серегу и она принялась заступаться за него.

– Ну, что ж ты, Мишань, такое говоришь? Фекла Сергуше не пара. Да и есть у нее на примете другой старичок, дьячок бывший. Хороший дядечка. Симпатичный такой. И Фекла души в нем не чает.

– Она сама тебе это рассказывала?– заинтересовался Мишка.

– Ну, нет, конечно же, не сама. Она в прошлый раз с соседской девчушкой приходила.

– Опоздал, значит, Серега. И Фекла уже просватана. Разве что только если отобьешь у дьячка. Не станешь? Тогда извини, больше в Москве и ее окрестностях нет подходящей

невесты. Сам ищи. А у меня дел вон невпроворот. Рожаем мы скоро.

– Что ты все "мы, да мы". Катюш, как ты с занудой этой жить собралась всю оставшуюся жизнь?– фыркнул Серега.

– Что делать?– вздохнула Катюша.– Зато он меня любит. И никакая он не зануда. Это он снаружи таким кажется, а внутри пуши-и-и-и-и-и-стый. А чей-то ты вчера, Сергуня, вокруг Аннушки вился все утро? Бедная девушка все пальцы себе исколола иглой. Разволновалась бедняжка. Смотри, я своих подружек в обиду не дам.

– И ничего я не вертелся. Парой слов перекинулся. Спасибо сказал за уху. Знатная у нее уха получается,– взглянул на нее, удивленно подняв брови, Серега.

– Какую уху? Это которая на позапрошлой неделе была? Что это спохватился с благодарностями? Так хороша была, что никак забыть не мог?

– Ну да. Спросил, когда она по кухне главной будет и попросил повторить шедевр.

– Уговорил?

– Обещала.

– Ну вот, а ты Мишаня, ему Феклу сватаешь,– Катюша погладила Серегу ласково по голове.– Да он у нас парень еще ого-го. Такую девицу зацепил. Красавица. Братьев у нее опять же трое. Здоровые парни. Помогут если что. Поддержат. Отца-то у них с матерью нет, братья ее и вырастили. Души в сестренке не чают. Каждый вечер ее встречают все трое и

с работы домой сопровождают. Пылинки сдувают. Если кто сохальничает или обидит, не дай Бог, ох не завидная ждет такого молодца доля. Оторвут головушку то, как есть оторвут.

– Совсем ты, Катюша, запугала меня братьями-то Аннушкиными, что-то даже и уши теперь не очень хочется,– пригрюнился Серега.

– Ну, Сергуш, да шучу я, шучу. И не такие уж они у нее и страшные. Строгие и справедливые. Не пьющие опять же. Трезвый образ жизни ведут. Да ты старшего-то знаешь. Матвей – кузнецом вот у дядюшки,– Силиверстович кивнул:

– Хороший парень, бесхитростный. Если что не по нему, то не станет попусту языком болтать. Даст сразу в челюсть и все. Крепкий парень, двухпудовой гирей крестится. И братцы меньшие такие же, видел я их. Егорка, да Прохор. Отца их Евпатием звали. Так что Евпатьевичи они. И фамилия подходящая – Силины. Приходили в кузню. Веселые и работающие. Богатыри. С такими породниться и "Завеса" не нужна станет. Как у Христа за пазухой заживешь,– засмеялся Силиверстович.

– Ну, вот и этот туда же!– махнул рукой Серега.– Сейчас вот методику Мишкину изучу и что-нибудь придумаю. Что-то у меня от этих разговоров уже не 10-ть процентов, а процента два всего осталось, остальные клинит,– Серега демонстративно уткнулся в листки и принялся вчитываться в печатный текст.

– Когда к Павлу Петровичу в Питер собираетесь?– поин-

тересовался Федор Леонидович.— Я, как и обещал, конспектик вам набросал. Списочек главных масонов. Места выпаса. Все что возможно раскопать, вписал. Правда, десятикратной проверки информация не выдержит, тут уж придется вам на месте ориентироваться. И некоторые события точно не датированы. Кроме конечно дня помазания на престол и дня кончины Павла-I-го. Это единственные даты сомнению не подлежащие.

— Я предлагал Сергею завтра, но он не может бросить училище,— пожал плечами Мишка.

— Что-то у вас парни с хронологией не все в порядке. Отправьтесь в прошлый год. Время выберите, когда нет форс-мажора этого и вернетесь завтра же. Вечером ушли, вечером пришли,— посоветовал Петр Павлович.

— Никак не могу к этому привыкнуть, что нет тебя пять минут, а ты где-то можешь хоть день, хоть год, хоть всю жизнь прожить,— вздохнула Катюша.

— Нет, Катюш, я всегда буду тебя предупреждать на сколько ухожу. Если на день, значит на день. А на год или больше зачем?

— А вдруг, сломается эта машина ваша?— Катюша испуганно замерла в ожидании ответа.

— Ну, вот еще. Почему она сломаться должна? И потом не одна она. Их у нас четыре. Сломается если одна, значит, пойдем к другой. Вот тогда больше времени придется потратить там. А здесь все равно пять минут. А там самая дальняя

– в Сибири. На лошадях за месяц всяко доскачем. И потом у нас опыт уже с Серегой. Мы ни куда не суемся. Ведем себя ниже травы, тише воды. Зря ты беспокоишься, – принялся успокаивать Мишка супругу.

– Зря? А вот попал же Сергуня, в этом Париже к разбойникам в полон.

– Ну, так и был в нем всего час. Я появился и освободил. Это потому что он один отправился. Самонадеянность проявил. Теперь поодиночке вообще не будем перемещаться. Только в паре. Не волнуйся. Все будет хорошо. Леонидович, давай конспектик. Пора готовиться. Завтра и смотаемся. Чего тянуть резину. Познакомимся для начала. Где он там обосновался? В Гатчине?

1795-ый год почти во все свои летние месяца оказался занят форс-мажором и, пришлось отправляться в Гатчину в год 1794-ый.

– Разницы никакой не вижу. Годом раньше, годом позже. Мелькнем, запомнимся чем-нибудь. Там при "малом дворе", сейчас все проще. И попасть, и даже познакомиться. "Русского Гамлета" на всякий случай посещали все, кто смотрел немножко вперед. Екатерина то уже была не первой молодости. А Павлу исполнилось сорок. В расцвете сил. Второй раз уже женат. На принцессе Софии-Доротее Вюртембергской. Немка. Окрещена как Мария Федоровна. Мать двух будущих императоров. Александра -I-и Николая-I-го. Может быть, в эти годы он /Павел/ был по-настоящему счастлив. По-

дарила ему маман мызу эту Гатчинскую. Выкупила у родственников Орлова Гришки, которому ее сама же и подарила в свое время, выкупив опять же у кого-то. Это у нее ма- ния была такая, покупать собственные подарки. Чтобы снова подарить. Там уже и дворец был выстроен Григорием Орловым, так что уехал цесаревич великовозрастный не в чисто поле, а во вполне обжитое пространство,

– Мишка листал справочник для туристов по пригородам Санкт-Петербурга.– Конечно, тогдашний городишко и нынешний совсем не похожи. Советская власть прошлась по дворцам и паркам железной метлой. Разруха. Вон фотографии мостиков на озерах. Сплошные развалины. У нас есть возможность посмотреть, как это выглядело, когда их только построили и всячески берегли. На плане города названия все новые вон проспект красноармейский. Понятно, что не Павел его так назвал. А вот улица Кирасиров – это почему-то из того времени. Странное упущение. Или это возвращенное название? Почему тогда проспекту название не вернули прежнее? Полумеры эти нынешних властей, раздражают своей тупой половинчатостью. Они даже душат как-то лениво.

– Хрен с ними,– отмахнулся Серега от современных проблем.– В какой день, в какой месяц?– занес он руку над пультом.

– Давай в июнь в середину. Уж всяко Павел с семейством не в Питере, а в Гатчине. Хотя сыновья-то как раз могут ока-

заться у августейшей бабули. Они только на выходные заявлялись к папочке. Александр и Константин. Не знаю, где болтался Николай-младший, но этих Екатерина изъела у сына, и видел он их не часто. Особенно, пишут, Александра бабуля обожала. Боготворила прямо таки и все время "давила" на "Гамлета", чтобы он уступил право наследования престола старшему сыну своему. Вот не любила его мамуля и все тут. С чего бы? Эта семейка Романовых, наверное, среди августейших первое место занимает по количеству "скелетов в шкафу". Куда ни сунешься – "скелет".

– Да и хрен то с ними, – опять буркнул Серега, настраивая аппаратуру.

– Что ты заладил "хрен, хрен"? Это наша, блин, история. Как ни крути. И вся из "скелетов" по их милости. Так хоть бы столько-то лет спустя, правду поведали народу. Молчат потомки. Право на престол оспаривают друг у друга. Как пауки в банке. Я тут по "ящику" смотрел про них "фильму". Дом Романовых в забугорье. Как собак нерезаных их там оказывается. Князей этих и все Великие.

– А тебе-то что до них? – не понял Серега Мишкиного беспокойства.

– Мне? Раньше никакого дела не было. Живут себе ТАМ и пусть живут, но они претендовать начинают. На трон. А еще и самозванцев появилось видимо-невидимо. Одних Алексея царевичей, чудом выживших, после расстрела царской семьи десятков и Анастасий несколько. Америкосы даже фильм

сняли про нее. Что амнезия у нее была, что... Ну... В себя пришла, вспомнила все. Представляешь, если они все сюда заявятся и начнут грызню за трон? Весело будет, как в Варфоломеевскую ночь в городе Париже.

– А чего там было в ту ночь?– заинтересовался Серега.

– Резня. Католики Гугенотов резали.

– И нафига они этих гугенотных резали? Это типа за то, что без регистрации?– попробовал угадать Серега причину резни.

– Ага, типа лица гугенотной национальности. Полистай историю. Гугеноты – это те же католики, только еретические раскольники. Обрядность решили изменить. Ну а папе римскому этот раскол почему-то не нравился. Ну и чтобы вопрос закрыть насчет обрядности, решили истинные католики хирургическое вмешательство осуществить. "Нет гугенотов – нет проблемы".

– Ну и что, помогло? Хирургическое вмешательство?

– Помогло. Католичество за следующие двести лет раскололось, как полено на 3-и тысячи полешек. Папа Римский, правда, самый крутой среди них, но всякие Лютеранцы и Англиканы, тоже не хило рулят целыми странами, типа Англии и Германии.

– Да и хрен-то с ними,– Серега опять отмахнулся от проблемы единства паствы Римских Пап.– Короче, "Склифосовский", я на 15-ое число ставлю и дату возврата открытую делаю. Перебазарим с наследником престола, обаяем и назад.

Можно еще сразу смотаться в день коронации, или в день, когда его "мочкануть" решили заговорщики.

– До дня коронации мы и без аппаратуры доживем. Он в Москву приедет для этого. А насчет заговорщиков, сначала разберемся, давай, что там к чему и тогда уже определимся, насколько правомочно вмешательство.

– Уговорил. Монахами одеваемся?

– Ими. Рясы вон я из сапротида подобрал. Пол пирамиды обшарил "мазаришарифской". Веревки, правда, наши, обыкновенные. Ну и комбез под рясу. На ноги берцы. Нормальный прикид. Хорошо, что наши монахи, как католические тонзуру не выбривают. Хотя тебе бы очень пошла и Аннушке бы очень понравилась.

– А чего это ты про Аннушку?– насторожился Серега.

– Ничего. Просто она сегодня по кухне старшая. Уху варит патриаршью. Или как там она называется, когда сразу несколько видов рыб отваривают и еще ерша туда в тряпке макают, чтоб наваристее была?

– А я знаю? Нашел кого спросить. У нее бы и узнал,– облизнулся Серега.

– А вот слюни напрасно пускаешь. В ближайшую неделю "сегодня" ухи вряд ли Аннушкиной отведать придется. Если только Павел угостит. Но вот к столу мы вряд ли будем там приглашены. И потом пишут, что не был он, в отличие от тебя, гурманом. А любимое блюдо у него было знаешь какое?

– Ну?

– Угадай с трех раз, на шалабан,– Мишка принялся засучивать рукав камзола.

– А чего это ты уже изготавливаешься? Может не рукав засучивать нужно, а лоб заранее зеленкой намазывать? Я конечно не "Светозарный", но примерно могу предположить чего там Павел любил пожевать. Жена немка, сам наполовину тоже. Фридриха-II-го обожал. Прусские порядки насаждал. Немецкое чего-нибудь и любил. А чего немец всегда рубал испокон? Сосиски с капустой и пивом запивал. Угадал? Угад-а-а-а-л! По глазенкам твоим радостным вижу. Ишь как заблестели от предвкушения,– Серега, так же как и Мишка, принялся закатывать рукав, кровожадно ухмыляясь.

– Признавайся, сволочь, прочитал где-нибудь?– Мишка попытался уклониться от шалабана, но Серега оказался расторопней и звук щелчка гулко пронесся над креслами конференц-зала.

– Может и прочитал, только ведь ты в условиях пари это не упомянул. А вообще-то не читал. Ляпнул первое, что на ум пришло. Неужели сосиски трескал с капустой? Неудивительно, что характер у него вспыльчивый был. При таком-то рационе.

– Ну, характер у него вспыльчивый и мрачный стал от окружения. Его всю жизнь "подставляли". Наплетут всяко-разно, наобещают и "кинут". А он раз "попал", два "попал", а потом звереть начал и ни кому не верить. У него ведь первая жена, тоже немецкая принцесса, во время ро-

дов умерла, а он ее любил и очень переживал. Даже сосиски есть отказывался. Так закручинился искренне. Ну, тут маман ему возьми да и подсунь переписку его Натали с его же лучшим дружбаном – Разумовским, которого он обожал. Полюбовниками оказывается были и рога у Павла оказались такими ветвистыми, что куда там лосиным. Прочитал он письма, и совсем верить людям перестал. Его всю жизнь предавали все, кто был с ним рядом. Прямо Рок какой-то. Даже жалко парня, ей Богу,

– Мишка потер лоб.– Полегче нельзя, Геракл? Я тебе прошлый раз подзатыльник чисто символически отвесил. Главное – не чтобы больно, главное – чтобы запомнилось.

– Как это?– не понял Серега.– Если не больно? Ты хрен запомнишь и опять с какими-нибудь "сосисками" доставать начнешь.

– Скучный ты человек, Серега. "Сосиски", да я если захочу, то могу с тобой спорить хоть каждую минуту, по 60-т раз в час и со счетом 59:1 выигрывать. Просто жалко тебя дурака. Да и не люблю я споры эти дурацкие. Повезло тебе, что не злопамятный я, а память у меня хоро-о-ошая. Помнишь того татарина из Швейцарии?

– Нет. А кто это?– прикинулся, что не понимает о чем речь Серега.

– А я помню. Он мне даже во сне приснился. Стоит такой весь из себя "сирота казанская" и говорит:– "Привет Сереге".

– И все?

– А ты чего хотел еще?

– Ну, может он еще про вино прокисшее, тебе напомнил?– скривился Серега.

– Нет, про вино он ничего не напоминал, Ты, я вижу, сам без него вспомнил.

– Ладно, проехали. Пошли робу походную одевать и экипировку подбирать. Смотаемся по-быстрому и к ухе Аннушкиной назад. А может, отложим на денек? Не горит,– Серега взглянул в глаза Мишкины почти умоляюще.

– Ну да, а завтра Настя пироги затеет или шаньги. Так мы застрянем, не известно на сколько,– решительно возразил Мишка.– И не гляди на меня сиротой казанской.

– Шаньги? Ладно, пошли,– вздохнул горестно Серега.– Сам дурак. Наиболее подходящим и наименее оживленным местом оказалась опушка леса, с которой просматривалась Гатчинская дорога. Время на часах стрелки зафиксировали 8.30-ть утра, когда два "послушника из Валаамова монастыря" – Михаил и Сергей вышли на нее, ведя в поводу пегую Лерку и гнедую Верку.

Метрах в 200-х стах впереди, уже видна была застава с шлагбаумом и караульной будкой, выкрашенные в красно-черно-белые полосы. Кроме двух послушников в этот час на дороге больше никого не было и часовой, зевающий от скуки и возможно, что только что сменившийся, откровенно паялился на них.

Однако, когда до шлагбаума им осталось метров десять,

он строевым шагом отбарабанил на середину дороги и гаркнул, во всю молодецкую грудь:

– Стой! По какой надобности в Гатчину? Падорожну.

– Здорово, служивый,– поклонились ему послушники.– Бог в помощь. С праздником.

– И вам, батюшки, того ж,– расплылся в конопатой улыбке "пскопской".– Чой та за праздник?

– Ты что, аль обасурманился совсем, в мундир иноземный запрыгнув? Троица и седмица Троицына,– укоризненно покачал головой Мишка.– Великий князь Павел Петрович известный молитвенник и радетель, как же упущение такое допустил? – засокрушался он, вгоняя в краску служивого.

– Прощения просим. Виноват, вашество,– гаркнул парень, выпучив глаза.

– А чего это ты у нас подорожную спрашиваешь и опрос учиняешь, будто мы в крепость ломимся? Вона, стороной проходи хоть полк, лесом-то, молодец?

– Приказ, всех опрашивать и к порядку приводить,– гаркнул еще громче "молодец".

– К какому порядку?– Мишка с интересом рассматривал первого увиденного Павловского солдата, нового образца.

– Чтобы без нарушений предписанных регламентом правил,– отбарабанил тот, не мигнув.

– Это как? Вот монахам, что предписывает регламент?

– Монахам ничего не предписывает.

– Чего же горланишь тогда, аль скучно стоять? Монахи

мы, послушники Валаамовой обители и коль ничего от нас не требуется, то поднимай свою полосатую жердину и про-пускай.

– Слушаюсь, вашество,– козырнул, с лихостью щелкнув каблуками, служивый и строевым шагом направился к краю дороги, поднимать жердину.

– Благослови тебя Господь,– перекрестил его Мишка.– Ты, видать, уже нормально ходить разучился? Вы тут все так вышагиваете?

– Приказ, по территории перемещаться только строевым, аль бегом,– вытянулся служивый.

– Строго! Ну, пока, служивый. А скажи-ка, тут у вас есть дом постоялый для проезжих или вот паломников, как мы?

– Есть. Как не быть. Постоялый двор. Там и харчевня с кухней. Вона за первым домом налево, а там спросите. Инвалид Казаев удостоен высочайшего разрешения. Берет недорого и лошадей прикормит.

– Спасибо, братец, данке – как прусаки говорят. Вас языку не учат?

– Команды и рухлядь армейска на ентом,– скис "пскопской".

– Трудный язык-то?

– Собачий,– пригорюнился еще больше служивый.– Гав, да гав.

– Ну, а кормят-то хоть хорошо?– полюбопытствовал Серега, что бы отвлечь солдатика от мрачных мыслей.

– Кормят согласно регламенту, в достаточной мере,— тут же взбодрился служивый.

– Ну, и ладно тогда, служи дальше. Пошли брат, Михайло, не будем отвлекать парня.

Дорога, прямая как стрела, просматривалась до самого дворца Великого князя и там уже выстраивались для утреннего вахтпарада батальоны. Легонько потрескивали барабаны и слышались резкие возгласы команд.

Сзади, за их спинами, опять раздался вопль "пскопского" и, оглянувшись, парни увидели несколько подъехавших карет.

Кучер первой, что-то втолковывал караульному, а тот слушал вытянувшись по стойке смирно. Потом резко развернулся и помаршировал поднимать шлагбаум.

Кареты, числом четыре, прошелестели мимо послушников, блестя лакированным деревом и скрипя рессорами.

– Не одни мы с тобой на вахтпарад сегодня поспешаем. Вон еще парочка тарахтит. Что-то оживленно становится,— Серега перехватил уздечку и потянул Верку на противоположную сторону, чтобы направиться к постоялому двору.

– Погоди, Серега, успеем. Давай глянем сначала на представление,— предложил Мишка.— Вон как вышагивают. Сейчас должен Сам пожаловать. Он ни одного развода не пропускает.

– Да чего там смотреть? Орут как резанные, ноги задирают и гремят. Одеты все безобразно, но однообразно,— провор-

чал Серега, возвращаясь на дорогу.

— Ну, не скажи. Есть что-то завораживающее в согласованности этой. Мощь какая-то. Все же не зря придуман и строй, и шаг, и барабанный бой. Павел-то Петрович наш от всего этого, похоже, крышей поехал. Он, видать, на Гатчине модель государственную обкатывал. Мечтал, чтобы вся Россия вот так же замаршировала на страх врагам и радость ему — самодержцу.

— Вот и понятно тогда почему всего четыре года царствовал,— буркнул Серега.— Это еще долго его терпели. Я тоже кой-чего почитал из любопытства о временах его. Когда он Империей "рулил". Запреты идиотские всякие даже для обывателя понапридумывал. Шляпы круглые и фраки, например, запретил носить. А кого ловили, нарушающего Указ, под арест. Телесные наказания ввел для дворян. А однажды, такой анекдот ходил, не понравилось ему, как полк какой-то отмаршировал перед ним и он скомандовал:— "По-о-о-olk, в Сибирь, шагом марш!"

— Ну, анекдот он и есть анекдот, а на самом деле этого не было. Просто Павел, перестав верить в порядочность человеческую, хотел заменить ее хотя бы на добросовестность. Вот и лез в мелочевку, регламентирующую даже быт. Потому что полагал, что "дьявол в мелочах", вот и не оставлял ему гаду даже их. Лез туда быстрее беса. Опережал, так сказать.

— И допрыгался, что его за черта стали самого считать, а когда придушили, то все радовались. Народ радовался, что

наконец-то этот взбалмошный "вундеркиндер" почил в бозе. А дьяволу зачем в мелочи лезть самому, когда вот такие Павлы Петровичи его с успехом заменяют? Путал его бесьяра, а он полагал, что служит Отечеству, о благе его радея. И ведь с искренностью какой. Его арестовывать пришли среди ночи, а он спрашивает:— "За что?". Как Киса Воробьянинов. Помнишь? В 12-ти стульях. "Сейчас нас турнут"— Это Остап. А Киса.— "За что-о-о-о?" Вот и Павел Петрович умер и так и не понял, за что его табакеркой по голове хряпнули. Собственные дети в заговоре состояли и считали, что делают дело благое. Боялись что город взбунтуется и как во Франции Революция начнется того и гляди с взятием Петропавловки и Зимнего, за неимением Бастилии. Пален этот — граф, всю плешь Александру проел:— «Бери бразды, бери бразды». Целый год уговаривал. Уговорил. Зря мы вообще сюда приперлись, вот что я думаю. Павел став Императором указов каждый день по несколько штук сочинял. За 4-ре года почти столько же, сколько матушка его за 31-год. Не то, что исполнять, читать люди не успевали. Как наскипидаренный. Видать столько замыслов накопилось и все хотелось реализовать немедленно. И предсказаниям верил, а по одному из них ему нужно было удержаться на троне четыре года и тогда все у него будет в шоколаде. Вот поэтому он спешил сначала, а когда четыре года отпраздновал воцарения, то расслабился. Даже на радостях объявил амнистию всем повсеместно. Всем и сразу. Такой вот парень горячий. Из одной край-

ности в другую. Зажравшееся дворянство служить заставить хотел себе. Гайки принялся закручивать, паразитов этих давить. Ревизии, инспекции всяческие придумал и со службы в отставку спровадил многих паразитов. И правильно делал. Только он считал, что дворян этих и так как блох на теле государственном и плодить это сословие за счет других подлых сословий не собирался. Наоборот всячески норовил сократить поголовье. А мы тут зачем? Чтобы за крестьянских детишек похлопотать, училище окончивших. Зря время теряем. И слушать не станет. Ни сейчас, ни через два года, никогда. Павел не был либералом. Он сторонник жесткой, единоличной, самодержавной власти и довел ее до абсурда своими требованиями. Даже в регламентах этих мелочных. Когда спать ложиться, когда всем встать и обедать сесть. Весь Питер обязан был в четыре встать, в час сесть обедать и в десять вечера, погасив свечи, лечь спать. А нарушителей, под арест. Ну-ка, если Ельцин такие указы начнет лепить в наше время и сажать за их неисполнение нарушителей? Сколько он в Кремле удержится? Порвем как грелку, через месяц на баррикады все повалят. Даже терпеливые и аполитичные "совки". А здесь его четыре года терпели. Вот уж "умом Россию не понять". Павел слишком возомнил о себе, полагая, что он как помазанник Божий лучше самих подданных своих знает, что им нужно для счастья даже повседневного. И не понимал, что люди вокруг, а не статистические единицы бездушные. Он даже не понимал, что они могут тоже оби-

жаться, горевать и иметь собственное мнение. Его это мало интересовало. Он играл в оловянных солдатиков живыми людьми. Доигрался. Даже его щедрость необыкновенную дворяне не оценили. За 4-ре года Павел Петрович пожаловал государственных крестьян в крепостные почти миллион человек. Раздарил помещикам. Раздавал налево и направо. Екатерина-2-я за 31-год столько не раздала. Он ее и тут оставил. Считал, что за помещиком крестьянину будет лучше.

За все время своего правления всего один указ для крестьян сляпал. Указ о трехдневной барщине и о запрете работ на барина в воскресные и праздничные дни. Все. Более ничего!!!

Глава 5

Серегу прервал треск барабанов, которые взорвались на плацу бешеным крещендо.

– Великий князь изволил осчастливить своим явлением вахтпарад,– съязвил Серега.– Не понимаю, как на это можно смотреть ежедневно по несколько часов. Так он ведь не просто смотрит, он еще и учит. Смотри,

– послушники мнимые уже подошли настолько близко к дворцовому плацу, что могли все рассматривать во всех подробностях. Зрителей гражданской наружности было не так уж и много. Кареты, которые проскрипели мимо них, свернули куда-то влево и вправо и теперь на марширующих "орлов" Павла смотрело с десятков штатских, но с почтительного расстояния, чтобы не дай Бог не дать повод главному полководцу усомниться в лояльности.

Великий князь очень болезненно реагировал даже на безобидную мимику. Однажды секретарь английского посланника имел неосторожность зевнуть вот на таком вахтпараде и Павел велел не "пускать сего сонного некомбоната на пушечный выстрел к плацу, дабы он видом своим не навевал нерадение на иных, с охотою воинскую науку постигающих".

Солдатики "постигали" науку со всем старанием, двигаясь с марионеточной точностью. Но это глазу не искушенному только казалось, что они синхронности достигли абсо-

лютной, а Павлу было виднее, потому что он был рядом и с высоты своего, прямо скажем не завидного роста, ему, очевидно, открывались глубины обыкновенному человеку недоступные. Павел бегал за шеренгами и учил. Останавливал, разворачивал. Демонстрировал. Как тянуть носок, как ставить подошву, как держать пальцы рук и как отбрасывать руку назад. Все это он проверял и перепроверял, с неутомимостью неистовой.

Набегавшись же по плацу, он на прямых абсолютно ногах, проследовал к краю плаца и, встав к Мишке и Сереге спиной, принялся наблюдать за церемонией, которая отточенная до автоматизма продолжалась и без него, под треск барабанов.

Серега уткнулся лицом в шею Верки и сладко зевнув, спросил:

– Я не слишком громко? Выгонит нафиг, как того секретаришку, чтобы "нерадение" искоренить.

– И правильно сделает, блин. Что ты на него бочку все время катишь? Не любишь его заранее? У человека комплекс неизжитый властолюбия. С детства долбила бабуля, что для трона предназначен он Провидением, а маман взяла и задвинула в генералы-адмиралы. Вот эти пару тысяч "потешные" – это все что у парня есть в жизни. Может быть, останься он жив, так еще бы и остепенился. Суетиться перестал и гордились бы мы сейчас его деяниями, а не потешались. Не успел. Сбили на взлете.

– А ты из него святого мученика тоже не делай. "Не со-

здавай себе кумира". Забыл заповедь?

– Да не создаю я кумира. Объективно стараюсь подойти. Есть слабости, есть и достоинства. Он, кстати, понимал свои недостатки и честно пытался их искоренить. Не так все просто, как тебе кажется. "Не любили, За что-о-о!" Тоже нашел с кем сравнивать с Кисой Воробьяниновым, прохиндеем, – ворчал Мишка, рассматривая узкоплечую фигурку будущего Императора Российского.

Павел стоял, заложив руки за спину и откинув плечи назад. От этого они казались у него еще уже и огромная треуголка, нелепо нависала над ними, делая фигуру гротескной и жалкой.

Великий князь, словно почувствовав, что за его спиной кто-то активно обсуждает его персону, резко обернулся и, приподняв квадратный подбородок, уставился большими, почти круглыми глазами, в сторону чернецов. Смотрел Павел пристально, нахмутив брови, будто спрашивая:-

"Кто, что, по какой надобности?" – и закрепив, очевидно, увиденное у себя в памяти, так же резко отвернулся.

– Все "глаз положил", память у Великого князя будь здоров. Можно уходить и попытаться поймать его после обеда. Он там себе более вольное время определил. Гуляет, на лошадях катается. Вот и попробуем пересечься "случайно". Филька, давай, проследи за Павлом Петровичем, – скомандовал Мишка «Трояну». – Мы в гостиницу, там и отыщешь. Доклад через каждый час. Пошли, "символ нерадения", разы-

щем, где это богоугодное заведение Казаева.-

Постоялый двор нашли быстро, даже никого не расспрашивая, просто повернув, где караульный указывал, вышли к нему двухэтажному и обнесенному низким палисадом, окрашенным во все те же "караульные" цвета.

Инвалид /так тогда называли ветеранов армейских/ Казаев, на первый взгляд явных признаков инвалидности не имел, а напротив, старичком оказался крепким и горластым.

Увидев монахов, просящихся на постой, он слегка скривился, видимо представив степень прибыли для заведения от таких постояльцев, но вслух недовольства высказывать не стал, буркнув:

– Милости просим, отцы. Чем богаты, тем и рады. Пронька, прибережи лошадей,– из конюшни выскочил пацан лет 12-ти и, схватив под уздцы кобыл, повел их прочь, испуганно оглядываясь на монахов и Казаева. Строг видать был с персоналом инвалид, явно отставной какой-нибудь фельд-фебель.

– Обед у нас в час по регламенту и до двух часов, просим не опаздывать, после сего не обессудьте,– предупредил инвалид, приглашая их жестом и провожая в дом, выстроенный в непонятном стиле, но явно с потугой угодить Великому князю. В два полноценных этажа и с крышей покрытой рыбьей чешуей черепицы, постоялый двор озадачивал уже от самого крыльца, которое было выполнено из цельных дубовых плах окованных в металл с такими же металлически-

ми перилами выкованными с усердием и завитушисто украшенными чугунной листвою.

— Монументально,— похвалил Серега крыльцо.— На века изготовлено. Дом рухнет, а крыльцо еще сто лет после этого простоит.

— Ваша правда,— расплылся в самодовольной улыбке Казаев.— Его высочеству тоже глянулся. Так же вот похлопал и словечко вот енто же изречь изволил "моментальтно". Самовар разогреть прикажете?

— А как же регламент?

— По регламенту про самовар ничего для не служивых, а тем паче вашего сословия не упомянуто,— перекрестился инвалид.— Милости просим. Пронька!!!— Пронька выскочил из конюшни, он видать тут был на все руки.— Самовар, живо!!!—

Кроме Проньки обслуга "богоугодного" заведения состояла еще из двух дородных женщин гренадерского роста, которые суетились на кухне и в зале для приема пищи, занимавшем почти весь первый этаж и заставленный десятком столов с лавками. Сейчас он был пуст и одна из баб скребла здоровенным ножом-скребком столешницу одного из них. Поливала кипятком из посудыны и с противным звуком гнала ножом черную волну.

— Хватит, Лукерья, в гроб ты меня сведешь энтим визгом,— остановил женщину Казаев.— Приберись и на стол накрой, господа чаевничать изволят. Баранки неси,

— Лукерья утерла пот со лба и, поклонившись в пояс, по-

спешила исполнять хозяйскую команду, унося с собой таз с кипятком.

– Пока накроют, покажу горенку. Прошу,— Казаев повел парней на второй этаж по скрипучей лесенке с перилами опять же металлическими, выкованными очевидно все тем же "левшой", слабостью которого, очевидно, были все те же листья. Второй этаж полностью был отведен под "нумера", каковых, судя по дверям, было шесть, и хозяин ткнул в крайнюю от входа.

– Вам двухместный, аль каждый обособленно изволит обустроиться?— повернулся он к гостям.

– Двухместный сойдет. Нам ночь переночевать, или две, как с делами управимся,— ответил ему Мишка.

– Тогда сюда,— распахнул дубовую дверь инвалид.— У нас все просто, но с простынями свежими, как положено по регламенту и подушки с пухом. Довольны останетесь, уезжать в свои кельи монастырские не захотите,— хохотнул Казаев, закручивая длинный ус.

Комнатенка была метров десяти, и места в ней хватило только для двух кроватей и платяного шкафа, но была она светлой и чисто прибранной.

– Нас устраивает,— Мишка расплатился, а Казаев вручил ему от дверей ключ, чем надо сказать озадачил несказанно. Мишка даже не понял сначала, что это он ему сует в руку.

– Запирайте, уходя, чтобы значит без претензий,— пояснил хозяин.— Тут не монастырь, всяко бывает.

– Неужто воровство регламентом не пресечено?– удивился Серега.

– Регламент,– хмыкнул Казаев.– Сию напасть и сам Господь заповедями не пресек по сию пору. Вы, господа монашествующие, уж не к Самому ли пожаловали?

– К Самому,– подтвердил Мишка догадку инвалида.– Воспомошествование для обители хотелось бы выхлопотать, – пояснил он причину, по которой заявили они к «Самому».

– Так, а он-то, что может?– не понял инвалид.– Вам к Государыне Императрице надобно по сему вопросу.

– Были,– отмахнулся Мишка.– То занята, то хворает – год ждать. Не до Сук нам,– ухмыльнулся Мишка, вспомнив анекдот с бородой про Штирлица, который шлялся по лесу и напоролся на сук. "Суки с визгом разбежались".

– А вы думаете, что Великий князь все свои дела побросает и вашими займется? А денег у него сроду не бывает. Сам в долгах, как в шелках. Хозяйство опять же на ем. Сколь ртов прокорми, – вздохнул Казаев, совершенно искренне сочувствуя будущему Императору.

– Так ведь охота – пуще неволи. Разве не сам себя хлопотами обеспечивает?

– Не нашего холопьяго ума это дело – судить да рядить начальствующих над нами. Всякая власть от Бога дадена, – обрезал Казаев разговор начинающий принимать, по его мнению, не совсем лояльное направление.– Я от батюшки Павла

Петровича ничего окромя хорошего не вижу, и здесь каждый так же скажет. До простого люда он добр и заботлив. У него не забалуешь, но и голодным, в драных сапогах и мундире не будешь. Порядок любит!! Правильно!! Порядку завсегда в Расее не хватат. Каждый норовит к себе в сундук утащить. Сперва о себе каждый. А Он, о всех печется.

– Хорошим Государем будет?– любопытствовал Мишка.

Казаев блеснул острыми с прищуром глазками. Такого не просто подловить и опростоволосить. Стреляный воробей и за словом сказанным следит. Попусту на ветер их не бросая.

– Государыня-Императрица, Бог даст, еще долгонько проживет. А Павел Петрович ея истинный, возлюбленный сын и почитатель, о сем и не помышляет, пока Она матушка во здравии пребывает. А Государем был бы отменным. К порядку бы привел Расею. Расхлябанность бы нашу дикую уничтожил на корню, истинным честным крестом в том завещаю.

– Ну и ладно. Значит, и не зря мы тут толчемся. Может чем и поможет. Обитель-то наша в суровых, северных местах и просьба у нас пустяшная, дабы разрешили рыбный промысел завести.

– Да чем же вы там живете, коли рыбу ловить запрещено? – не понял Казаев.

– Ловить не запрещено, промыслять ограничено. Вот ограничения и просить хотим изъять, по возможности.

– Ну, помоги вам Господь со всеми отцами Богоносными,
– перекрестился Казаев, звякнув парой медалек. Обе за турецкую кампанию.

– Вы, я вижу, с турками воевали,– польстил Серега хозяину.– Награждены, смотрю. Измаил штурмовать не приходилось ли?

– Пришлось, будь он трижды неладен,– вздохнул Казаев и посрумнел.– Прошу к самовару, вон уж Лукерья кличет,– за чаем инвалид-ветеран Турецкой компании вспомнил как "топтались под энтим Измаилом".

– Я в Бугском Егерском корпусе под Измаилом-то отвоевался. Генерал-поручик Кутузов нами командовал. Слыхали пади?

– Как не слышать? Личность известная. Нынче он Директором Сухопутного Шляхетского корпуса назначен Государыней.

– Великий человек,– вздохнул Казаев.– Как вот вас, его видел. Вот энту медаль он мне собственноручно навесил. А на другой день его и самого чуть не до смерти ранило. На штурм пошли, да видать не наш день был. Отбились басурмане. Чтоб их Султану рябчиком подавиться шельме. А всей армией, Светлейший князь Потемкин командовал. Его я тоже как вас видел. С повязкой на глазе, но Орел.

– Так и Кутузов – генерал поручик тоже теперь с повязкой щеголяет. Видать рана уродлива и Михаил Илларионович ей дам конфузить не желает,

– предположил Мишка.

– Аль видеть довелось?– открыл рот в ожидании ответа Казаев.

– Как вот вас, уважаемый. Идем это мы, значит, по Дворцовой площади, а на встречу он сердешный, с повязкой черной, коlobком катится. Как увидал нас с братом Михаилом, да как закричит:– «Братцы, монахи, благословите».

– И потом что?

– Ничего, благословили, коль просит. Хоть мы и не монахи пока. Послушники. Благословить ведь любой христианин другого может. Коли от чистого сердца, так Господь услышит, – Серега поблагодарил за угощение и, зачитав благодарственную молитву, перекрестившись, вышел.

"Курить пошел", – подумал Мишка, так же вставая и благодаря хозяина. – "Наплел паразит невесть что и свалил".

Пойдем, пройдемся, может Бог даст и свидимся невзначай с Великим князем. Лошадей не распрягайте. Сами управимся, – поделился он планами с хозяином постоянного двора.

– С Павлом Петровичем вам лучше на озерах после обеда встретиться, он прогулки любит. Подолгу может странствовать по островам-то. Но там караулы стоят, могут недопустить, – посоветовал Казаев.

– Спасибо за совет. К часу подойдем, чтобы из регламента не выпасть, – Мишка откланялся и вышел вслед за Сергой, который присев у палисадника прямо на траву, дымил сигаретой.

– Ты чего это про Кутузова нагородил? Хорошо, что хоть на благословлении остановился. Я уж испугался, что понесет тебя так, что хрен остановишь до самого Бородина.

– Щас, размечтался. Хватит с него и благословления. Я бы еще подумал, давать ли.

– Что-то ты, Серега, какой-то озабоченный в последнее время. Кидаешься на всех подряд. То тебе Павел нехорош, то Кутузова благословить "давать ли".

– А ну их всех,– выпустил Серега струю дыма и сплюнул раздраженно.– Когда знаешь, чем закончится, что-то как-то не по себе с ними. Покойники ведь они в моем понимании давно уже. А мы из них еще чего-то вытянуть хотим. Поэтому, наверное, и критикую. Вон, Филя заявился с докладом. Ну, что там Паша Романов?

– Филя с готовностью принялся расписывать, как он, заняв прекрасную диспозицию, провел рекогносцировку и зафиксировал все телодвижения объекта за ближайший час времени.

– Ну и где ты его оставил?– спросил Серега.

– У него разговор, весьма конфиденциальный, состоялся с прибывшим из Санкт-Петербурга вельможей. Именуется сей господин Платоном Зубовым и прибыл по поручению самой Императрицы.

– Удалось ли записать разговор?

– Да, от начала и до конца, хоть они и уединились для одного в отдельном кабинете, но окно оставили открытым. Я

и...

– Ладно, без подробностей шпионских, давай запись,— прервал Мишка Филю.— Только не очень громко. Уши кругом. Читал я об этом фаворите. Интересно чего это он свой зад оторвал от мягкого кресла и притащился за 50 верст в Гатчину?—

Разговор начался с обмена любезностями. Причем, судя по голосам, оба собеседника испытывали некоторую скованность и неловкость.

– Я вам привез письмо от Государыни, Великий князь,— приступил непосредственно к делу Zubov.— Прошу.

– У матушки уже курьеров нехватка? Что это она вас исполнять сию повинность обрекла?— спросил Павел, шурша вскрываемым пакетом.

– Сие послание Государыня, не могла доверить обычному курьеру, так как предмет обсуждаемый весьма важного свойства,— тут же резко ответил Zubov и замолчал, ожидая когда Великий князь ознакомится с текстом послания. Слышно было, как пыхтит Павел, очевидно содержание письма было действительно непростым.

– Прочел. Что еще?— наконец послышался его голос.

– На словах велено передать, чтоб были вы князь благо-разумны и в свойственное вам неистовство не впадая, рассудили здраво.

– Вы знакомы, Платон Александрович, с содержанием послания?— спросил Павел, резко.

– Знаком, Ваше Высочество. При мне составлено. От меня у Государыни тайн нет,— голос Зубова наполнился превосходством и пренебрежением. Особенно когда он произнес "Ваше Высочество".

Павел фыркнул, потом принялся расхаживать по кабинету, гремя каблуками сапог. Заметался, судя по дроби. Что-то при этом уронил и вполголоса выругался:— "Доннер Веттер".

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.